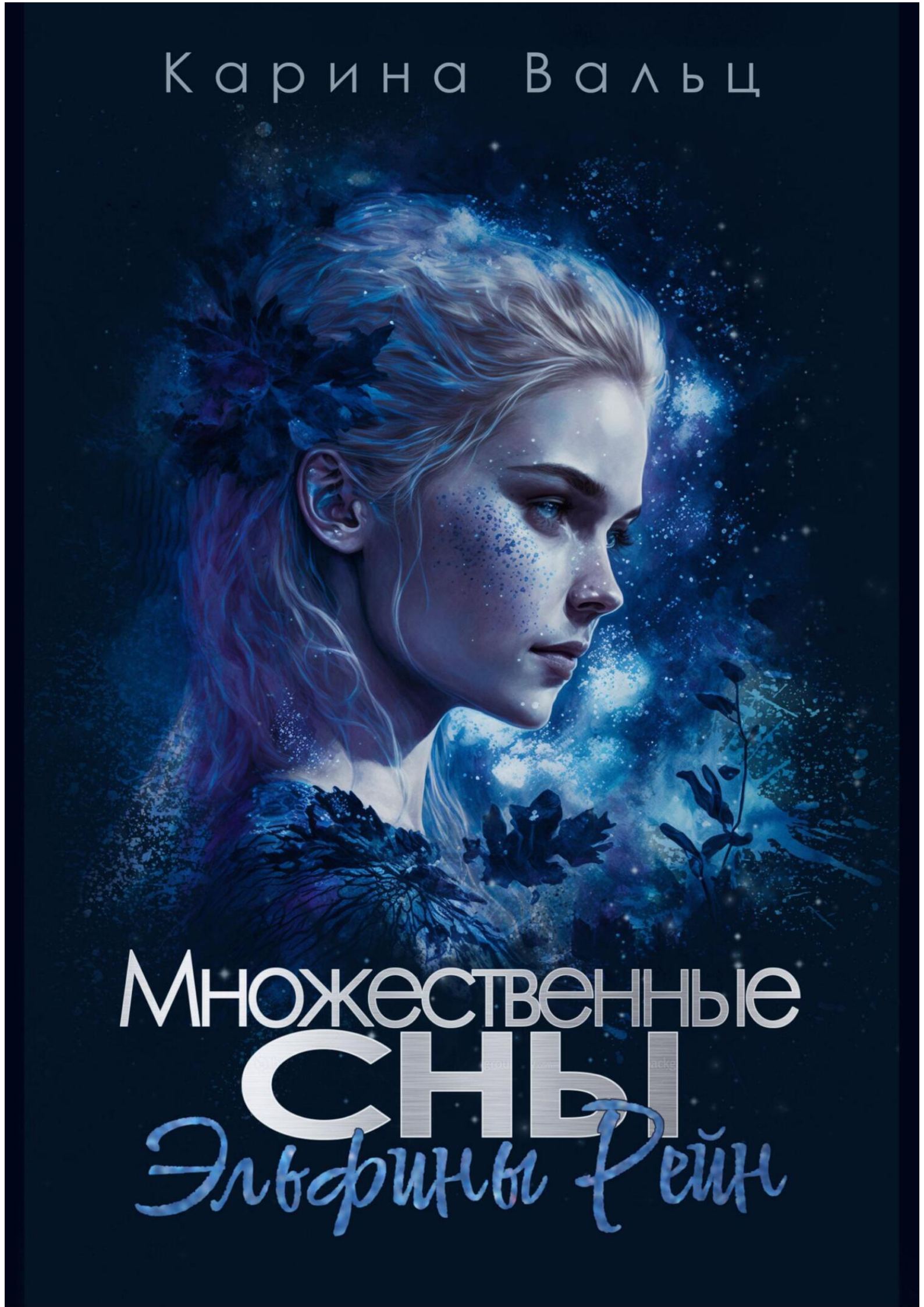
Карина Вальц



Множественные сны Эльфины Рейн

Карина Вальц

Множественные сны Эльфины Рейн

«Автор»

2023

Вальц К.

Множественные сны Эльфины Рейн / К. Вальц — «Автор», 2023

«Чужие сны придут за тобой, если будешь подглядывать...» - учит первое правило виаторов. Чтобы спастись от людей, которые ее ищут, Эльфина Рейн готова нарушить любые правила. И она подглядывает. Много. И чужие сны приходят за Эльфиной Рейн. Часто. И сны эти влияют на разум девушки, каждый раз делая из нее другого человека. Эффект недолгий, Эльфина привыкла и, казалось, все контролировала. Пока один из чужих снов не впутал ее в расследование опасного убийства.Убийца – виатор, без сомнений.Но по зубам ли он Эльфине Рейн, когда за ее спиной так много других кошмаров? Чужие сны уже пришли за тобой, любопытная Эльфина Рейн…

© Вальц К., 2023
© Автор, 2023

Содержание

ЧАСТЬ 1. СНЫ ПРОКАЗНИКА ШАРЛЯ ДЕ КРЮССОЛЯ 5
ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 8
ГЛАВА 3 11
ГЛАВА 4 14
ГЛАВА 5 18
ГЛАВА 6 21
ГЛАВА 7 24
ГЛАВА 8 27
ГЛАВА 9 30
ГЛАВА 10 33
ЧАСТЬ 2. СНЫ ПЫЛКОЙ МИЛЕНЫ ДРАГОВИЧ 37
ГЛАВА 11 37
ГЛАВА 12 40
ГЛАВА 13 44
ГЛАВА 14 47
ГЛАВА 15 50
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Карина Вальц
Множественные сны Эльфины Рейн

ЧАСТЬ 1. СНЫ ПРОКАЗНИКА ШАРЛЯ ДЕ КРЮССОЛЯ

ГЛАВА 1

Выходные пройдут весело – вот, что поняла Эльфина Рейн, наблюдая за Шарлем де Крюссолем, сыном знаменитого французского миллиардера. Тот самый случай, когда на миллиарды отца можно купить все, кроме самого важного. Шарль де Крюссоль уже несколько часов напивался в баре швейцарской деревушки Фиш, вел себя громко и развязно, мешая остальным гостям и создавая неудобства сотрудникам. Бармена он пытался развести на бестолковый спор (спорим, что официантка покажет грудь моим приятелям?), а самой официантке раз двадцать крикнул про испачканную мелом пятую точку. И нет, Шарлю де Крюссолю не пять лет, как могло показаться, парень уже в том возрасте, когда в баре можно находиться легально и так же легально бесить всех вокруг. Де Крюссоля окружали такие же умные лбы, как и он сам, не зря говорят, что подобное тянется к подобному.

И сама Эль ждала момента, когда можно будет дотянуться до Шарля, но все время что-то мешало. Сначала трезвость компании, затем исчезновение де Крюссоля (уходил в туалет с красоткой из бара), а после – попытка поспорить с барменом. Но Эль верила в скорый успех, компания де Крюссоля достаточно нализалась, чтобы упустить из вида ее маленькую, совсем маленькую и крайне незаконную шалость. Эль собиралась подкинуть Шарлю де Крюссолю паразита сознания.

Паразит – это продукт мира Сомнус, и этот малыш безобиден сам по себе. Но при наличии ушлого хозяина… не зря подобная шалость считается незаконной. Паразит способен подчинить зараженного полностью, медленно, но верно он овладевает частью мозга, отвечающую за сновидения. А сны отражают мысли, реальность и даже человеческую душу. Проникнуть в Сомнус человека – значит, узнать о нем все. Секреты, тайны, страхи и желания… все. На это требуется время. И паразит, ведь он способен лишить человека естественной защиты и оставить личность злоумышленника в тайне.

Компания Шарля отправилась в пляс, а Эль поспешила оказаться поблизости. В какой-то момент они с де Крюссолем столкнулись, он глянул на девушку пьяным взглядом, а она призывно улыбнулась. Большего не потребовалось, через пару секунд Шарль притянул Эльфину к себе и схватил за пятую точку. Эль потянулась к нему с поцелуем, проникая языком в рот и думая о том, что позже придется почистить зубы раз пятьдесят, пока десна не начнут кровоточить. А пока сладко постанывала, изображая живой интерес. Шарль де Крюссоль ничего не заметил, паразит сознания запустил в него свои крохотные лапки. Контакт состоялся. Эльфина кое-как оторвалась от парня и сообщила, что ей надо к бару, но она обаятельно вернется!

– Нам будет хорошо вместе, детка, – жарко прошептал Шарль и шлепнул девушку по пятой точке. Совсем скоро паразит в его мозгу подарит Эльфине практически неограниченную власть, которую можно использовать во благо, например, сделать из Шарля человека хотя бы на время.

Но Эль никогда так не поступала.

Одно дело – украсть информацию или восстановить справедливость за щедрую оплату, совсем другое – привлечь внимание к своей деятельности, меняя людей. Это нечестно, в конце концов. Даже придурки заслуживают право на свободу выбора. А именно свободу Эльфина Рейн ценила превыше всего, именно ради нее делала все, что делает.

Эль выскользнула из бара, стянула рыжий парик и упаковала его в рюкзак. Поверх топа накинула толстовку с капюшоном и пошагала к подъемнику Фишеральп, благо даже в час ночи он работал, пусть и с периодичностью раз в сорок пять минут. Но другого пути до университета Глетчерхорн не существовало. Сначала канатная дорога Фишеральп, после – пересадка на Глетчеральп, минут пятнадцать пешего пути до западной стены замка, подъем через окно в обход пропускной системы… домой раньше двух часов ночи не добраться. Но что поделать: заказ есть заказ, а бар в Фише для незаконных злодеяний удобнее университетских местечек, где страстную незнакомку проще запомнить. Да, Шарль де Крюссоль тоже из Глетчерхорна.

Поэтому Эль не слишком удивилась, когда в кабину подъемника к ней и кучке других припозднившихся студентов запрыгнула компания де Крюссоля в полном составе. Эль мысленно поморщилась, натянула капюшон толстовки на лоб и отошла в дальний угол, хотя можно было не стараться – вряд ли Шарль запомнил лицо незнакомки. В его памяти отложилась блестящая рыжина волос, а не бледные три волосинки в хвостике. Пепельный блонд бывает жесток, покраска дважды в месяц уничтожала волосы Эль, но она необходима так же, как и паразит сознания, подкинутый сыну французского миллиардера. Жизнь Эльфины Рейн полна сложностей.

Свобода. Все ради нее, родимой.

– Гляньте, это же все наши? – де Крюссоль понизил голос, но его шепот слышался острее, чем обычный говор.

– Нет, туристы, – хмыкнул его приятель Фаустино де Веласко, наследник… да, его отец тоже миллиардер. А еще он работает в Комиссии, возглавляет отдел cogitatio, или мыслителей, что намного круче завалящего миллиардерства, которым в Глетчерхорне может похвастать каждый первый.

– А ты как думаешь, де Крюссоль? – приятель номер три, Генри Кавендиш. Миллиардерство и отец-политик прилагаются. Добро пожаловать в мир виаторов, где бедных родственников не существует в природе. Зато древних семей, интриг и взаимной ненависти, передающейся из поколения в поколение, хоть отбавляй. – Это же канатка, ведущая в замок, кто еще сюда мог сесть?

– Предлагаю спор: каждый выберет себе по сонливой красотке, кто первый уболтает свою на экскурсию в комнату с продолжением, если понимаете, о чем я, тот победил. Остальные устроят голую пробежку во время завтрака, а то в последнее время Глетчерхорн совсем приуныл, ни одного инцидента. Траур трауром, но год назад было так весело…

– Не ты ли на прошлой неделе выпрыгнул в окно без трусов?

– Целая неделя прошла! Ужас какой…

Кабина подъемника не настолько велика, чтобы остальные парней не услышали. Хотя почти все пассажиры были в наушниках, и только Эль прислушивалась напряженно, опасаясь, что де Крюссоль ее признает. Но он не признал, зато задумал очередной спор на пустом месте. Прежние догадки подтвердились: у Эль впереди много веселых дней. И хорошо, если это будут дни, а не недели… случалось всякое. Однажды после визита в чужое подсознание Эль месяц практиковала голодание, ее вес опустился до критической отметки в сорок килограммов. Не самое приятное воспоминание.

– Если что, моя кудрявенькая, – продолжил Шарль, кивая на будущую жертву, горячую красавицу со смуглой кожей. Эль мысленно усмехнулась, ей даже стало интересно, а есть ли у де Крюссоля шанс попасть в комнату девушки или затащить ее в свою.

– Я пас, – лениво ответил Фаустино де Веласко и демонстративно зевнул.

– В тебе я не сомневался, ты вечный унылый пас!

Кабину подъемника тряхнуло, что значило одно: скоро пересадка. В этот раз долго ждать подъемник не пришлось, и вскоре та же компания зависла высоко над землей в кромешной темноте. Огни Фиша остались позади, Глетчеральп двигалась за горным перевалом, вдали от людских глаз. Местные много говорят об этом подъемнике, на который не сажают туристов, на который невозможно купить прогулочный билет. По слухам, Глетчеральп ведет к дому некоего тайного миллиардера, который не жалует посторонних, а еще под ледником существует целая автомагистраль, и по ней к миллиардеру съезжаются знаменитые гости. Этакий швейцарский Бэтмен с ледяной пещерой и подъемником вместо Бэтмобиля. Впрочем, в слухах было много правды: миллиардеры в наличии, тайный замок, скрытый от посторонних, так же реален… прокол только с дорогой вышел. Как вообще можно построить дорогу под ледником? И зачем. Хотя события прошлого года показали: ледник вовсе не стоит особняком, кого-то он привлекает.

Жестоких убийц.

Компания де Крюссоля продолжала шептаться, поглядывая на сидящих в кабинке, время от времени парни взрывались от хохота. Энергичные люди! Эль искренне надеялась, что Сомнус Шарля подарит ей его неисчерпаемую энергию… но глядя, как молодой человек подошел к кудрявой девушке и указал на ее грудь, заявив, что там грязно, Эльфина только вздохнула. Надежда, та самая, которая умирает последней, скончалась в муках. А закатывать глаза Эль еще в баре устала, сейчас девушка приняла личность Шарля уже как данность.

Очередная тряска кабины и пункт назначения. Эль порадовалась, что взяла с собой толстовку: если в Фише температура еще держалась на уровне двадцати градусов тепла, то в горах, да еще у ледника, по ночам было холодно. Изо рта шел пар – вот настолько холодно. Эль обняла себя за плечи и пошагала по широкой освещенной дороге, ведущей к замку Глетчерхорн. Ночью картина завораживала: темные вершины гор и яркий свет старого замка со множеством башен, корпусов и пристроек. Три года назад, когда Эль впервые оказалась здесь, она долго стояла и не могла поверить глазам, настолько захватило увиденное. Потому что все было реально, но в то же время казалось чьей-то красочной фантазией.

– Скучные вы, парни, – до девушки в очередной раз донеслось нытье Шарля де Крюссоля, он все уговаривал приятелей на сомнительный спор. – Эй, Фауст, ну хоть ты поддержи…

Дальнейшая беседа парней прошла мимо Эль, она прибавила шаг, порядком устав от высокоинтеллектуальных выкрутасов однокурсников-виаторов. Тем более, Шарль де Крюссоль еще какое-то время побудет с Эль, она успеет насладиться его лучшими качествами. Мир Сомнус *всегда* оставлял на девушке след. Это ее дар и ее проклятье, с которым невозможно бороться. Эльфина Рейн такой родилась.

ГЛАВА 2

Фауст

– Ну и холод же здесь! Поскорее бы свалить в нормальный мир, достал этот Глетчерхорн, – потирая плечи, Шарль догнал приятелей.

– Что такое, кудряшка тебя прогнала? – засмеялся Генри.

– Да я сам ушел!

– Не осталось в Глетчерхорне людей, не знакомых с твоим обаянием. Даже рыжая обломщица из бара исчезла! Может, она тебе привиделась? Кроме тебя, ее и не заметил никто…

– Да пошла она! И ты не прав, в Глетчерхорне другая проблема: не осталось *нормальных* людей, способных веселиться. Нам по двадцать лет, самое время трахаться напропалую и делать все, что вздумается. Своими родителями успеем стать позже. Такое чувство, что в этой глуши из нас родителей и лепят со всеми этими «Влияниями на рынок ценных бумаг через призму подсознания» …

– Серьезно ты загнул, – присвистнул Генри.

– Да был у меня разговор с отцом летом, – отмахнулся Шарль и поддел плечом приятеля: – Вон Фауст наверняка понимает, его с детства к Комиссии приписали: «Быть тебе великим мыслителем, Фаустино!», «Не расстраивай отца, Фаустино!», «Не забывай демонстрировать миру фирменное унылое лицо де Веласко, Фаустино!» …

Не обращая внимания на тычки Шарля, Фауст смотрел вслед стремительно удаляющейся девушке. Значит, это и есть Эльфина Рейн? Похоже на то. И та рыжая «обломщица», как метко обозвал ее Генри, так же Эльфина Рейн. Неожиданно. Честно говоря, Фауст ни за что бы не соединил этих двоих в одну личность, если бы не следил столь внимательно. А еще он весь вечер не пил, только делал вид. Он знал, что Эльфина Рейн появится рано или поздно, и большие надежды возлагал именно на этот вечер в деревеньке Фиш. Что ж, надежды оправдались.

Пока они ехали в подъемнике, Фауст исподтишка разглядывал девушку, запоминая ее черты, чтобы не промахнуться в следующий раз. Эльфина Рейн училась в Глетчерхорне уже четвертый год, как и сам Фауст, возможно, они даже сталкивались на лекциях и практиках, вместе окунались в миры Сомнус, видели друг друга на мероприятиях, состязаниях и изнурительных тестах Комиссии. Наверняка они сталкивались!

Вот только Фауст не смог припомнить ни одну такую встречу.

Быть может, дело в самой Эльфине Рейн, которая не обладала примечательной внешностью и на первый взгляд казалась… никакой. Вроде и лицо симпатичное, и спрятанная под толстовкой фигура неплоха (рыжая красотка в баре была вполне себе сексуальной), но глаз за Эльфину не цеплялся. Хотя и Фауст не из тех, кто часто разглядывает девушек и думает, что в двадцать лет надо «трахаться напропалую и делать все, что вздумается». Многие считали его высокомерным и холодным, как ледник, пожалуй, отчасти это правда. Но недостаток ли это? Вряд ли.

Хотя тому, что его искренне интересовало, Фаустино отдавался всей душой. Он не жалел сил и времени на страстно желаемое. Раньше Фауст на многие дни нырял в мир подсознания, чтобы исследовать его законы, постигать логику. Логика есть везде, а уж в Сомнусе все на ней построено. Только на первый взгляд сновидения кажутся неорганизованной фантасмагорией, на деле же за каждым событием, каждым образом что-то стоит. Фауст относился к мыслителям, но также он был талантливым программистом. А недавно стал взломщиком, хотя на «взлом» ушло много времени. Он едва не спятил, пытаясь нарушить все существующие правила, но неизменно верил в себя, в логику происходящего. И добился успеха.

Взлом прошел успешно, и теперь ему нужна Эльфина Рейн.

Но для начала пусть покажет себя.

Фауст не причислял себя к людям доверчивым, ему нравилось проверять. Поэтому он организовал для девушки квест, включающий Шарля и его подсознание, банальное только на первый взгляд. А дальше… все зависит от Эльфины. Хотя она уже блестяще справилась со своей задачей, дело осталось за Пауком, на которого работала Эльфина Рейн. И, если девушку многие знали хотя бы по имени, то личность Паука была тайной.

Просто Паук.

Просто материалист, materia, способный извлечь из мира подсознания всякое за внушительную плату. И само наличие такого человека, готового рискнуть всем ради каких-то денег, для многих являлось благословением. Потому что ни один материалист не уступит мыслителю, не пойдет навстречу, не поможет. Можно шантажировать, предлагать несметные богатства… да все, что угодно делать! Но ответом будет отказ. Материалисты – те еще скоты. То ли элита, то ли кучка особенных виаторов, обиженных на остальной мир.

Среди виаторов девяносто пять процентов были мыслителями, cogitatio. Путешественниками по мирам Сомнус. Но ни один путешественник не умеет извлекать, такое подвластно лишь материалистам. Поэтому они опасны, ведь из подсознания можно извлечь всякое. Паразит сознания – вершина айсберга, ведь рядом с паразитами обитают кошмары. Когда-то гигантский метеорит уничтожил динозавров. А до этого кошмары уничтожили первую человеческую цивилизацию. Выжила жалкая кучка виаторов, они и стали новым началом. Поэтому виаторами, сноходцами так или иначе является все человечество, но для большинства Сомнус – это набор бессвязных сновидений, не более.

Многие верят в приход нового кошмара, в очередной конец света.

Но Фауста мало интересовали теории заговоров, стычки сновидческих идеологий и разборки между виаторами разных направленностей. На данный момент он со всей страстью, со всем упорством, на которое способен, отдавался расследованию убийства Бланки де ла Серда, «ледяной девушки». В прошлом году Бланку нашли замершей в Алечском леднике, она угодила в одно из ущелий и осталась нам навсегда.

Говорят, Бланка была не в себе.

Говорят, на ледник ее заманил молодой преподаватель, увлеченный девушкой. Бланка упала, а он не пришел на помощь. Было тепло, ледник таял, вокруг девушки собралось много воды, которая ночью превратилась в слой льда. Настали холода, слой льда окутал Бланку полностью. На момент обнаружения девушка полностью вросла в ледник. С открытым ртом, распахнутыми глазами, она не казалась мертвой, скорее застывшей, словно достаточно отогреть лед, чтобы Бланка смогла моргнуть, ожить… но так не бывает.

Поначалу произошедшее списали на несчастный случай, но в деле было много вопросов. Комиссия провела расследование, молодой преподаватель мсье Лерой быстро стал первым и единственным подозреваемым. И он признался, что заманил Бланку на ледник, столкнул ее в расщелину и оставил там, обиженный на отказ и злые слова девушки. Бланка молила о прощении, просила ее вытащить, обещала большую любовь, но он ей не поверил и бросил умирать, замерзать между ледяными стенами. Это было убийство, жестокое и несправедливое. Преподавателя наказали пожизненным заточением в тюрьме позсознания – обычное дело для преступников. Сомнус может быть жестоким, Комиссия постаралась, чтобы убийцы не знали пощады до конца своих дней.

Казалось бы, справедливость восторжествовала.

Вот только Фауст не верил.

Не верил проведенному расследованию, не верил выводам Комиссии. Столь любимая им логика была грубо нарушена, переменные не вставали по местам. Дело в том, что Фауст знал Бланку с детства, и она точно не могла отправиться к леднику на какую-то там встречу. Ни за что. К леднику не добраться на каблуках, а другой обуви Бланка не признавала. Длинные

прогулки ей не нравились тоже, как и скалы. Учась в Глетчерхорне, она редко выходила за пределы замка, разве что добиралась до вертолетной площадки, чтобы на выходные улететь домой в Мадрид.

Так же Фауст видел фотографии с места убийства, помог взлом отцовского сознания. На снимках Бланка была частью ледника, все как в страшных слухах. Но слухи не показывали картину целиком, ведь едва взглянув на фото, Фауст понял: Бланка не падала в расщелину, не замерзала там мучительно и медленно. Бланку поместили в лед, она попала в сердцевину ледника одним движением, так быстро, что не успела закрыть глаза, а рот ее исказился в вечном крике. И на такое способны только материалисты.

Как ни странно, расследование Комиссии рассмотрело и эту возможность, все материалисты Глетчерхорна были опрошены. Был ли среди них Паук? Наверняка, дар виатора *всегда* имеет одну направленность и ее никак не скрыть. Материалист – значит, материалист, никаких «но» быть не может. Но говорил ли Паук правду, отвечая на вопросы Комиссии? Вряд ли.

Подозревал ли его Фауст в убийстве?

Возможно, ведь мысль о Пауке, о самом его наличии, не давала спокойно жить. Что-то с ним не так, с этим Пауком. Точно так же, как и с убийством, в котором замешан материалист. Раз Паук согласен на многое ради денег, почему бы ему не согласиться на извлечение Бланки? Преподаватель мог быть заказчиком, но никак не исполнителем, а наказаны должны быть все причастные.

Фауст был настроен серьезно, а значит, он свернет горы, но выяснит правду.

И Эльфина Рейн ему в этом поможет, сознательно или нет. Говорят, эта девушка способна на многое, говорят, ей подвластны сами кошмары. Раньше Фауст пропускал слухи мимо ушей, но вот настало время испытать Эльфину Рейн и посмотреть, как на самом деле она справляется с кошмарами.

ГЛАВА 3

Через три дня после поездки в Фиш Эль посетила подсознание Шарля де Крюссоля. Внедренный паразит сознания создал точку перехода, и теперь Шарль не заметит наглого вторжения в подсознание. Или не запомнит, если вдруг у них состоится встреча. Так можно выведывать секреты, внедрять мысли и чувства, это практически психотерапия, но с существенным отличием: человек не замечает копания в его мозгах. Можно творить там всякое. Внедрять мысли и чувства сложно, это требует времени и сноровки, но теоретически это под силу любому мыслителю. Вопрос только в доступе. И паразите.

Сомнус каждого человека индивидуален.

Это не личный выбор, это работа подсознания. Кто-то выбирает яркие миры сюрреализма, кто-то – мрачную безысходность с вечным серым ливнем и тяжелыми тучами над головой. И не всегда по человеку можно определить его Сомнус. Однажды Эль проникла в сознание девушки-Барби, с ужасом ожидая купания в розовой сладкой вате, а попала в черно-белый нуар с пресловутым ливнем. Ни единого розового облачка, ни намека на полет фантазии, только жесткий черно-белый реализм. Примерно тогда Эль перестала судить по внешности и поняла, что у многих красоток-Барби в шкафах прячутся вовсе не розовые пони, а мрачные скелеты, щедро политые кровавым дождем.

С Шарлем де Крюссолем сюрпризов не возникло. Все, что пряталось в его подсознании, было написано на его симпатичном, но бестолковом лице. Сомнус де Крюссоля был солнечным местом с изумрудными лужайками, прямой, как стрела, дорогой до центра подсознания, множеством пин-ап плакатов с красотками и мигающими стрелками, указывающими направление. Пахло жареным мясом и попкорном, словно Эль попала в подсознание похотливого американского дальнобойщика.

Девушка шла медленно, с любопытством изучая обстановку. Возможно, Эль придется вернуться, порой поиски занимали не один день. Все зависело от человека. Шагая по ровной дороге, щурясь от яркого солнца и количества разноцветных мигающих вывесок, Эль верила в лучшие качества Шарля де Крюссоля. Например, в его бесхитростность, которая выпирала вместе со светящимися стрелками. А ведь Эль видела подсознания настолько сложные, что воспоминания там прятались за морями, холмами и пустынями, кишащими скорпионами самых разных размеров. А однажды, лишь однажды, Эль видела Сомнус, в котором ничего нет. Пустота, вакуум. И у нее до сих пор не было разгадки тому случаю.

Подсознание Шарля де Крюссоля оказалось ядреной смесью из Лас-Вегаса и Монако. Кажется, в Монако парень вырос, так что ничего удивительного. По улицам рассекали гоночные болиды, повсюду светились вывески казино и мотелей. Пин-ап девушки превратились в настоящих грид-герлс[1], мир снов жил своей жизнью.

И кошмары тоже жили.

Первое, что стоит запомнить о мире Сомнус: здесь все может обернуться кошмаром. А кошмары сильны настолько, насколько силен виатор, хозяин сна. А Шарль де Крюссоль силен, и банальность его подсознания может обмануть разве что новичка. Эль не сомневалась: кошмары Шарля де Крюссоля представляют опасность. Чем бы они ни были… Эль до сих пор не могла рассказать о кошмарах что-то конкретное. Это продукты подсознания, это существа, которым нельзя в мир людей. Но как они выглядят, разговаривают ли или похожи на паразитов… ответов не было.

А жаль, ведь для Эль это принципиальный вопрос.

---

[1] Грид-герлс – девушки, которые на авто- и мотогонках выводят пилотов на стартовые позиции. В Формуле-1 грид-герлс отсутствуют с 2018 года.

Жизненно важный даже.

Паразит сознания на время скроет присутствие девушки, Шарль ни о чем не догадается, но начинка всегда сложнее, чем сам человек. Подсознание засекло присутствие Эль, ему не понравилось. С каждым новым шагом девушки Сомнус Шарля взбрыкивал, гоночные болиды то ускорялись, то замедлялись, ползая по улицам лже-Монако. Грид-гёрлс смотрели на Эль пустыми страшными глазами, провожали взглядами каждый шаг. Девушка словно попала в зловещую долину, где все пестро, ярко, но лучше бы шел кровавый дождь, честное слово. Мрачные варианты Сомнуса Эль всегда нравились больше, нежели то, что предлагал мир Шарля де Крюссоля. Жуткая разрозненность, от которого мурашки по всему телу.

Когда Эль обошла гоночный трек, ее ноги начали вязнуть в асфальте. Температура резко поднялась, стало жарко, ходьба по мягкому превратилась в борьбу за каждый шаг. По лбу Эль стекал пот, падал на асфальт и испарялся с шипением. Подсознание Шарля де Крюссоля боролось, несмотря на внедренного паразита. Бестолковый на вид де Крюссоль оказался сильным виатором, а Эль такой не по зубам. В одиночестве не справиться.

В очередной раз смахнув пот со лба, Эль сдалась и отправилась на выход. Сомнус Шарля де Крюссоля взбунтовался еще больше, подсознание не хотело выпускать злоумышленника, оно собиралось его уничтожить, замучить жарой, забетонировать ноги, наказать за вторжение. Пожалуй, давно Эль не сталкивалась с подобными испытаниями, расслабилась… уже на четвереньках Эль выбралась на гоночную трассу и зажмурилась, слушая рев двигателей болидов. Они за соседним поворотом, совсем скоро… ноги Эль увязли по колено, когда на девушку наехала красно-черная Феррари и расплющила ее по раскаленному асфальту.

Эль закричала и села в кровати, тяжело дыша.

Матрас под девушкой промок насквозь, волосы слиплись от пота, а на ногах остались крошки остывшего асфальта – непроизвольное извлечение. Шарль де Крюссоль оказался крепким орешком, а Эль слишком расслабилась, вот и вышло все… как вышло. Неудачно. Девушка поморщилась от разочарования и отправилась в душ смывать следы ночных приключений. Воду выбрала ледяную, уж очень хотелось охладиться.

Пользуясь отсутствием соседки, Эль завалилась на ее сухую кровать, натянула одеяло до подбородка и опять провалилась в Сомнус. На сей раз выбрала человека, который всегда для нее открыт. Ей не нужен паразит, чтобы попасть в подсознание Гая, ведь Гай ее брат. Может, не кровный, но это не имеет значения. Отношения Гая и Эль все равно не вписались бы в такое банальное понятие как «брат и сестра». Нет, они были одной душой, одной целью, одним целым. Эль умерла бы за Гая, не задумываясь, и точно знала, что он поступит так же. Возможно, во многом Эль и жила ради Гая, и мечтала о свободе прежде всего для него. Бороться за себя – хорошо, но за кого-то другого, такого родного и дорогого, стоящего любой борьбы… ничто в мире не остановит Эльфину Рейн, ведь у нее есть цель.

Когда-то Гай и Эль вместе сбежали из страшного места.

И они туда не вернутся. Лучше утопнуть в раскаленном асфальте лже-Монако под взглядами зловещих грид-герлс, чем стать заложниками прошлых кошмаров, реальных и жестоких. Эль собиралась бороться до последнего вздоха, за себя и за Гая.

Сомнус Гая выглядел пряничным городком, залитым лунным светом и освещенным яркими звездами. Эль сразу накрыло спокойствием и умиротворенностью, воспоминания о раскаленном асфальте и ярких вывесках казино, моргающих со всех сторон, выветрились. Слабый ветер приятно холодил кожу, пахло печеными яблоками и корицей. Ох уж этот Гай и его любовь к штруделям. Эль улыбалась, двигаясь к сердцевине подсознания. Обычно там коротали время виаторы, уходя в бессознательный сон.

Дома расступились, обнажая поляну, полную ярких цветов. Они светились изнутри. Вокруг стрекотали сверчки, а звезды висели так низко, что их можно было коснуться рукой. Улыбка Эль все ширилась: все-таки подсознание – штука интимная и такая говорящая. Сей-

час Гай находился буквально на ладони у девушки. И был он не один, а делил пикник с симпатичной светловолосой женщиной. Они пили шампанское из искрящихся бокалов, смеялись и окунали клубнику в шоколад. Кажется, Эль застала интимный момент, а Гай, несмотря на вторжение, до сих пор крепко спал. Она подошла к парню, наклонилась к его уху и шепнула:

– Бу!

Гай подскочил на месте, шампанское пролилось на клетчатое одеяло, а женщина обернулась гигантским пауком и ускакала по пряничному городу от пробудившегося виатора. Кажется, Гай не хотел, чтобы Эль разглядела незнакомку.

– Эль? – пробормотал Гай, осоловело глядя на девушку.

– Нужна твоя помощь.

ГЛАВА 4

И вот опять перед девушкой улицы солнечного Монако, мигающие вывески, ревущие болиды и зловещие грид-герлс. Но рядом двигался Гай, поэтому Эльфина не боялась раскаленного асфальта и враждебности подсознания Шарля де Крюссоля. Можно расслабиться и получать удовольствие.

– Стоило сразу позвать меня, – пробормотал Гай, с опаской поглядывая по сторонам. – Де Крюссоль, конечно, придурковат, но он прошел отбор в Комиссию с первого раза, его cogitatio на высочайшем уровне.

– Де Кроссоль будет в Комиссии? – удивилась Эль.

– Он отказался от предложения, а отбор прошел на спор.

– А некоторые наизнанку готовы вывернуться ради похожего предложения…

А кому-то и выворачиваться бесполезно. Эль не собиралась даже пытаться, потому что близость Комиссии для нее и хорошо и плохо одновременно. Эль пока не решила, но склонялась к варианту «плохо», жизнь приучила рассматривать прежде всего варианты пессимистичные. А вот Гай прошел отбор и после Глетчерхорна собирается строить карьеру в мире виаторов. Зачем? Ответ один: свободы ради. И ради Эль.

– Значит, профессор Сага Хенриксен? – шутливо спросила Эль, поглядывая на Гая. Симпатичную блондинку из его сна она узнала сразу, с этого семестра Сага преподавала в Глетчерхорне латынь. Латынь давно уже не в обиходе, но каждый виатор обязан изъясняться свободно. Это скорее дань прошлому, но на прошлом стоит будущее. Так говорят.

– Могла сделать вид, что ничего не видела, – буркнул Гай.

– Не могла. Она ведь профессор, заметная фигура…

– Помню я! Ситуация под контролем.

– Просто будь осторожен, – вздохнула Эль.

Гай часто увлекался девушками постарше. Лет на десять постарше. Ровесниц он считал детьми, с которыми не о чем разговаривать, и только для Эль делал исключение, потому что не замечал в ней ровесницу или девушку, а, подобно самой Эль, видел родного человека, с которым и в огонь, и в воду, и в раскаленный Сомнус Шарля де Крюссоля среди ночи без лишних объяснений. Но вот в одну постель… нет уж.

Эль часто задавалась вопросом, отчего так случилось, почему Гай полностью игнорировал ровесниц. И ответ был один: парень повзрослел слишком рано, с двенадцати лет он вел совсем не детскую жизнь, а выживал. Заботился о себе и Эль, о безопасности. О пропитании и крыше над головой. Эль тогда тоже было двенадцать, они были равны, но именно Гай взял на себя роль ответственного старшего, рядом с которым ничего не страшно. За это Эль была ему безмерно благодарна. Она не голодала, не испытывала недостатка в одежде и ни разу не спала на улице.

Гаю только формально двадцать один год, в душе он поседел в те же двенадцать.

А профессор Хенриксен выглядела женщиной неприступной, холодной. Ради таких мужчины часто сворачивают горы, а раз Гай всерьез увлекся… можно сказать, профессора Хенриксен ждет незабываемый семестр. Не родилась еще женщина, способная устоять перед таким серьезным и таким красивым Гаем. И красив он не только для обожающей его Эль, парень во всем Глетчерхорне выделялся. Высокий, почти два метра, поджарый и гибкий на вид, с широким разворотом плеч и узкой талией, когда он двигался между корпусов замка, на него оборачивались девушки, а иногда не только девушки, а, например, профессора. Волосы Гая, медные, переливались на ярком солнце и темнели в ночи. Не совсем рыжий, но и не брюнет. А глаза зеленые, кошачьи. Добавить сюда улыбку с ямочками, которую он демонстрировал так редко,

что каждая его поклонница мечтала из Гая эту самую улыбку вытянуть… ореол недоступности и загадочности довершали и без того богатую картину.

– Что мы ищем? – деловито спросил Гай, когда они преодолели гоночную часть сна и подобрались к казино. Это центр подсознания Шарля де Крюссоля, там живет большинство его кошмаров и радостей. А еще секретов.

– Воспоминание, – ответила Эль. – Миранда Боклер наняла меня для кражи воспоминания. А еще просила удалить фотографии из облака, но это я сделала еще на прошлой неделе. Просто наняла кое-кого.

– Что за воспоминание?

– Интимного характера.

– Он ее шантажирует?

– Не думаю. Скорее припоминает, – девушка вспомнила бестолковые приколы де Крюссоля и воочию представила, как он подкалывает Миранду, имитируя оральный секс. Казалось бы, сейчас это уже не в моде, но отчего-то до парней вроде Шарля такое доходит долго, они искренне считают себя смешными и остроумными, шутя о пятых точках и выставляя грязное белье на всеобщее обозрение. А де Крюссоль, быть может, и засечки на кровати ставит. Эль бы не удивилась.

С другой стороны, благодаря личностям вроде Шарля де Крюссоля у Эль всегда будет работа. Воспоминание она воровала далеко не первый раз. За три года в Глетчерхорне количество похожих заказов перевалило за сотню, а личный банковский счет Эль пестрил количеством нулей.

– Разделимся? – предложила Эль.

– Нет уж, поищем вместе.

– Но…

– Шарль де Крюссоль тебе не по зубам, – отрезал Гай. – Я ведь тысячу раз просил тебя не рисковать, а сразу обращаться ко мне, не брать заказы без моего ведома и тщательной проверки, но ты… – он мотнул головой, останавливая себя. Потому что знал: Эльфине подобные разговоры не по душе. Они давно уже договорились, что свобода стоит любого риска.

Гай взглянул на Эль уже мягче и сказал:

– Ты лучше всех, но сильные мыслители опасны даже для тебя, даже с паразитами сознания. Мыслители могут преподнести сюрприз, их подсознание враждебно и трудноуправляемо. Я боюсь, что однажды… что однажды ты застрянешь в чьем-нибудь Сомнусе и не проснешься, а я сойду с ума, пытаясь отыскать тебя.

– Я всегда сообщаю о пункте назначения, сумасшествие тебе не грозит.

– Эль…

– Я не застряну, – глядя в глаза другу, сказала девушка. – Ни один кошмар не увлечет меня, ты знаешь. Ни один кошмар и не пытался, если на то пошло… а подсознание мыслителя… сегодня я выбралась и пришла за тобой, так же сделаю и в следующий раз. Я не рискую понапрасну, а все, что делаю… понятно, зачем это.

– Да, только… – Гай покачал головой и отвернулся.

– Только что?

– Кажется, этот разговор не стоит вести у казино. Мы пришли сюда не прогулки ради, займемся делом, – и он первым толкнул золотистую дверь.

Внутри все светилось золотом, бешено мигали уже привычные вывески, плакаты, указатели… Гипнос Шарля де Крюссоля выглядел упорядоченным, очень ярким и даже немного цирковым хаосом. Казино с тысячью этажей, скоростными лифтами и гоночными болидами. Кажется, Шарль был фанатом Формулы-1.

– Лифт или гонки? – спросил Гай.

– Шутишь? Конечно, мы будем гонять!

Они запрыгнули в болид, который растянулся на два места. Паразит сознания, а еще влияние сильного мыслителя Гая, и вот подсознание считает вторженцев хозяевами сна. Это не продлится долго, если Шарль силен настолько, что прошел тесты Комиссии шутки ради, рано или поздно произойдет очередной бунт, но пока Гай с восторгом схватился за руль, наугад нажимая кнопки. Болид сорвался с места, тело Эль вдавило в кресло, скорость на спидометре прыгала от трехсот километров в час до сотни на поворотах. Они летели по коридорам светящегося казино, по спирали поднимаясь наверх.

Привыкнув к прижимной силе, Эль засмеялась и с восторгом выкрикнула:

– Такое никогда не надоест, скажи?

Гай в ответ мимолетно улыбнулся. Та самая редкая, невидимая для других людей улыбка. Хотя какой парень не улыбнется за рулем гоночной Феррари? Ответ простой: мертвый.

– Я вижу указатель с именем Миранды! – выкрикнула Эль на повороте.

А скорость машины начала падать, маневренность на поворотах исчезла.

– Подсознание? – догадалась девушка.

– Нам нужен пит-стоп, – важно заявил Гай, сворачивая в коридор.

Их окружили люди, колеса болида полетели по сторонам, и через пару секунд Гай вновь жал на газ, выруливая на свежей резине. Коридор был узким для «двойного» болида, но расступался, все еще принимая вторженцев. Хотя Эль уже чувствовала жару, и она нарастала. Пахло горелой резиной, а значит, и внутри казино обстановка накалялась в самом прямом смысле слова. Они с Гаем мчали по спирали, но теперь вместо мигающих указателей на них смотрели пустые глаза грид-герлс, они выглядывали прямо из стен. Кошмары Шарля де Крюссоля оживали, поднимался бунт.

Гай смахнул пот со лба и вцепился в руль:

– Сколько еще этажей?

Они летели быстро, но Эль видела заветную вывеску с именем Миранды Боклер. Спиральной коридор, по которому они поднимались, то расширялся, то сужался, с неба падали игральные кости и фишки, попадая под колеса и мешая езде.

– Этажей двадцать, – ответила девушка. Проехали они уже сотню.

– Нужен еще один пит-стоп, резины не хватит, – сказал Гай.

Кто бы мог подумать, что во сне де Крюссоль придерживается законов реальности! Нет, чтобы усовершенствовать болид и гонять на нем без остановок! Пока они ползли по узкому коридору, Эль озвучила свое недовольство.

– Женщины! Ничего вы в гонках не смыслите… пит-стопы – это лучшая часть, – в этот раз улыбка Гая была неприлично широкой, Эль даже пожалела, что в Сомнусе нельзя наделать фотографий. В реальности Гай и Эль не общались, не здоровались и даже не смотрели друг на друга.

Последние двадцать этажей дались болиду нелегко. От запаха жженой резины слезились глаза, Эль почти не видела яркую вывеску, а Гай держал болид из последних сил. Он, сильный мыслитель, боролся с чужим подсознанием и проигрывал, даже с паразитом Эль в кармане. Из-под колес пошел едкий дым, Гай сцепил зубы, сосредоточенно толкая болид вперед.

Они добрались до вывески и снесли дверь с именем Миранды Боклер. Машина врезалась в стеклянный бокс с воспоминаниями, а Эль заторопилась на выход, ведь под ногами загорелось днище. С ужасом девушка оглянулась и поняла, что Гай не в состоянии выбраться, его ноги смялись вместе с горящим автомобилем. Воспоминания о Миранде Боклер сгорали, очень грубо и неаккуратно расползаясь по сторонам.

Гай посмотрел на Эль, в его глазах застыл животный страх.

Огненная стена разделила Эль и Гая, что для последнего – страшный исход. Не тратя ни секунды на размышления, Эль бросилась в огонь, чувствуя, как волосы вспыхнули, а легкие

зажглись изнутри. Но ей нужна только рука, только его рука… наконец, пальцы Эль и Гая соприкоснулись, они схватились друг за друга крепче и сгорели в этом огне.

Проснулись вместе, обнимаясь как в последний раз.

Гай тяжело сглотнул:

– Ты как?

– Отлично, – Эль привыкла к страшным смертям, и неважно, насколько реально они проживались в мире Сомнус. Человек вообще ко всему может привыкнуть. – А ты?

– Пропущу завтра первую лекцию.

– Хотелось бы мне пропустить неделю.

– Де Крюссоль настолько плох?

– Увидишь, – пообещала девушка.

ГЛАВА 5

Эль *всегда* расплачивалась за визиты в чужой Сомнус.

Это ее уникальная особенность, ее дар и ее проклятье. Для других мыслителей все проще, навестить Сомнус другого человека – почти как сходить в гости. Открыл дверь, рассмотрел детали обстановки, а после вернулся к себе, счастливый и довольный. А если нет, неудачный поход всегда можно выкинуть из головы, забыть, как страшный сон.

Эльфина так не умела.

Кто-то мог бы назвать девушку уникальной, не такой как все, а кто-то наречь уродом, от которого следует держаться подальше. Более радикальные виаторы предпочли бы сжечь Эль на костре. И это даже не шутка: история виаторов полна мрачных страниц. Когда-то материалистов сжигали на кострах. Охота на ведьм, гремевшая по всей Европе, началась с виаторов и их внутренних конфликтов. Их страха перед материалистами, способными извлекать из подсознания сами кошмары, страха перед очередным концом света. Знаменитый «Молот ведьм»[2] был написан виатором, а только после Генрих Крамер создал свою страшную версию. История людей и виаторов всегда переплеталась тесно, а люди знают много ярких виаторов, не представляя, кто они такие. А они совсем рядом, снимают фильмы, участвуют в политических дебатах, совершают научные открытия или даже в гонках участвуют.

Помня о мрачных главах истории, Эль о своей особенности всегда молчала. Ни к чему другим знать. Есть Гай, который в курсе и понимает, отчего Эль порой ведет себя странно, а остальные… плевать. Эль научилась не волноваться о чужом мнении, а еще научилась жить с чужими снами в голове. Ничего такого, с чем нельзя справиться, Шарль де Крюссоль в этом плане не станет исключением.

Визит в Сомнус Шарля ударил по Эль уже через день.

Девушка долго не могла заснуть, жажда деятельности буквально подбрасывала ее с кровати вверх. Не кровать, а трамплин… Эль надоело ворочаться и вести бессмысленную борьбу с внутренними демонами, она спешно оделась и вышла на балкон. Девушки Глетчерхорна жили в отдельной башне имени Риты Кастильо, первой главы Комиссии женского пола. Вершина башни – седьмой этаж – отдан материалистам, на шестом жили астралы, а остальное занимали мыслители. Эль с соседкой расположились на третьем этаже в просторной комнате с окнами в пол и каменным балконом, на котором легко можно расположить еще человек пять. А еще через этот балкон легко попасть к соседям с обеих сторон, их окна так же были частью балкона.

Стараясь не шуметь, Эль влезла к соседям справа, Приянке и Антонелле. Долго прислушивалась к дыханию девушек и, убедившись, что они крепко спят, достала из кармана лак для ногтей страшного болотного цвета. Эль давилась от смеха, представляя, как соседки проснутся завтра и посмотрят на свои руки. Хотя… нет, пожалуй, будет смешнее, если одна лишь Приянка увидит маникюр из болота и логично подумает на соседку. И начнется у них война. По лицу Эль текли слезы, когда она делала маникюр спящей индианке. Вспомнит ли она про буддизм, когда будет рвать волосы на голове Антонеллы?

На улице Эль смогла отпустить себя и рассмеяться в голос. Девушка хохотала, как сумасшедшая, представляя завтрашний день и двух соседок, их пробуждение. Наконец-то в башне Риты Кастильо произойдет что-то интересное, а то одна лишь скука, все чинно и чопорно. А ведь Глетчерхорн даже не в Англии!

На этом Эль не остановилась, нет! После удачной вылазки жажда деятельности затопила ее полностью, потому Эль вломилась к девушкам слева и позаимствовала их телефоны. На айфоне англичанки Саши стоял пароль, а вот испанка Джорджиана оказалась не такой, как

[2] «Молот ведьм» – трактат о надлежащих методах преследования ведьм.

все. Эль вошла во все мессенджеры и сделала массовую рассылку. Кому-то отправляла фотографии (к сожалению, неприличных у Джорджианы не нашлось, пришлось обойтись банальными сэлфи на фоне горного заката), кому-то писала дурацкие сообщения или признавалась в любви. Кому-то предлагала обратить внимание на Сашу. А почему нет? Еще она добрососедская схватка не повредит.

На улице начало светать, с чувством выполненного долга Эль вернула телефон, забралась к себе и уснула крепким сном, каким спят только после плодотворной работы. А Эль как раз поработала на славу!

Завтраки в Глетчерхорне проходили в любом заведении на выбор студентов. Хочешь перекусить по-английски? Добро пожаловать в «Doyle Cafe», говорят, здесь любил проводить время сам сэр Артур[3] во времена студенчества. Хочешь круассаны? На территории замка есть французская булочная, правда, там не протолкнуться по утрам. И похожих заведений на любой вкус в замке было немало. Еда всегда бесплатная, потому что деньги никогда не были ценностью в мире виаторов.

Эль выбрала не самое популярное кафе и заняла угловой столик. Сомнус Шарля де Крюссоля на время отпустил девушку, и она тоскливо вспоминала о ночной вылазке. Пожалуй, такой чушью она еще не занималась. Хорошо еще, что у нее с собой тюбика зубной пасты не нашлось, хотя и без нее все плачевно… кстати, зубной пастой следует запастись! Отличная же идея! Пострадавших слишком мало, можно пробраться на этаж выше и там уже разгуляться. Вымазать всех! И начнется в Глетчерхорне война между целыми этажами!

Ух, какой план!

Возможно, стоит прогулять дневные лекции, чтобы как следует выспаться… хотя учебные баллы Эль оставляли желать лучшего, шестерку она вообще ни разу не получала. Даже пятерки были редкостью. И четверки. Из-за повышенной занятости на «внеуниверситетских занятиях» Эль училась из рук вон плохо, вечно отставала и едва набирала необходимые для зачета баллы. Учебе стоит уделить время, без сомнений. Но тогда ночью ничего не выйдет с зубной пастой…

Вот так и скакали мысли Эль, пока она неожиданно не поймала на себе чей-то взгляд. Смотревшего узнала сразу: Фаустино де Веласко, друг Шарля. По какой-то неведомой причине Фаустино сидел в одиночестве, уныло ковыряясь в кусочках бекона. И при этом поглядывал на Эль. Ему казалось, что незаметно, но Эль всегда остро ощущала чужое любопытство, вот и сейчас напряглась. Мысли о зубной пасте и шалостях выветрились из головы девушки, она сосредоточилась на этом взгляде, от которого чесалась правая щека, ведь Фаустино смотрел так часто и внимательно.

Эль вышла на улицу, точно зная, что Фаустино последовал за ней.

Что ему нужно?

Пока она раздумывала над этим, парень вдруг поравнялся с ней, привлекая к себе внимание. Фаустино де Веласко улыбался так зазывно и располагающе, что в душе Эль поселилось нехорошее предчувствие. Этот парень что-то задумал, без сомнений. Но это ничего, Эльфина Рейн готова обломать его и опустить физиономией в лужу, благо погода позволяла: в горах осень выдалась сырой и щедрой на дожди. А о цели Фаустино девушка догадалась сразу, она ведь подслушивала разговор развеселой компании из подъемника. Видимо, когда Эль устала и прибавила шаг, Шарль-таки успел подбить остальных на дурацкий спор.

– Привет, – Фаустино улыбнулся еще шире, демонстрируя злополучные ямочки на щеках и белые зубы на фоне чуть смуглой кожи. В целом он выглядел типичным испанцем с этой белозубой улыбкой, карими глазами и чуть вьющимися волосами цвета горького шоколада.

[3] Речь о сэре Артуре Конан Дойле.

А еще он был каким-то даже слишком высоким, Эль пришлось задрать голову, чтобы парня разглядеть.

– И тебе привет, – буркнула девушка в ответ.

– Ты ведь Эльфина?

– Допустим.

– А я Фауст. Рад знакомству. Может, выпьем кофе, пообщаемся, пока до первых пар есть время? Знаешь, как говорят: утром много кофе не бывает.

– Кто так говорит? – строго спросила Эль.

– Да все!

– Я не люблю кофе. И у меня скоро практика по управлению финансами и банковской системой мира Сомнус, а я не подготовилась, так что найди другую жертву и пей кофе с ней. Со мной у тебя ничего не выйдет.

Фаустино перестал улыбаться, распознав враждебный настрой девушки. А еще он растерялся, явно полагая, что с его белозубой улыбкой и ямочками можно не напрягаться, спорить с дружками и выигрывать, банально зазвав жертву на кофе.

– Думаю, мы закончили, – улыбнулась Эль, наслаждаясь его замешательством.

– А я так не думаю.

Настойчивый какой! Эль покачала головой и ушла, думая о том, что трюк с зубной пастой можно припасти на другую ночь. А пока заняться кое-чем поинтереснее. Например, показать Фаустино де Веласко, что не все девушки любят настойчивость, а спорить на людей вообще нехорошо.

ГЛАВА 6

Фауст

Он пришел в себя и не сразу понял, где он, что произошло… только почувствовал пронизывающий все тело холод. На мгновение мелькнула мысль о леднике, который давно уже стал его личным кошмаром, но Фауст быстро понял, что ледника рядом нет, а сам он просто одет не по погоде. Мягко говоря.

А еще не может пошевелиться.

В голове царила каша, Фауст и соображал с трудом. Он так замерз, что не в состоянии пошевелиться? Парень наконец открыл глаза и поморщился от резкой головной боли, в его глаза словно не свет ударил, а чей-то кулак.

Фауст зажмурился. Он успел увидеть территорию Глетчерхорна, а значит, ледник и в самом деле далеко, уже хорошо. В этот раз кошмар не стал реальностью. А руки у него не замерзли настолько, чтобы одеревенеть, Фауст не мог шевелиться, потому что кто-то его связал. И примотал к дереву напротив корпуса имени Фридриха Ницше. Здесь жили парни, а еще всегда было очень шумно. А сейчас… сейчас разве что птицы чирикали. Но уже светло, стало быть, это раннее утро. Хотя бы с этим разобрались…

А вот с головой беда, ведь Фауст ничего не помнил. Как он здесь оказался, почему? Кто привязал его к дереву? Неужели Шарль? Очень в его духе, он горазд на подобные розыгрыши… кажется, он и похожий трюк с деревом уже проворачивал. Но с незнакомым первокурсником, по глупости ляпнувшем грубость, а не с близким другом! Неужели он бы посмел? Фауст дернулся, пытаясь растормошить удерживающие его путы, но ничего не вышло. Кто бы это ни сделал (скорее всего Шарль, почерк его), он постарался на славу.

Утро выдалось холодным, но Фаусту повезло: Глетчерхорн просыпается рано. Еще не перевелись энтузиасты, что любят записываться на видео-лекции в шесть и семь утра, потому вскоре парня освободил испуганный первокурсник. Процесс получился долгим и болезненным, затекшие части тела потихоньку возвращались к жизни и нещадно напоминали о пережитом. В конце концов Фауст свалился на землю и отмахнулся от беспокойного первокурсника. Дальше он сам.

Лежать на земле в одних трусах было холодно, парень быстро поднялся и отправился к себе. Комнату он делил с Гастоном де ла Серда, братом погибшей Бланки. Гастон не вернулся в этом семестре в Глетчерхорн, но обещал быть в следующем году, а пока Фауст жил в одиночестве.

Горячий душ вернул его к жизни. Он осмотрел себя в мутном зеркале на предмет каких-либо остроумных посланий (таким Шарль тоже промышлял), но ничего не нашел. Ладно, раз все в порядке, можно начинать рвать и метать. И выкидывать с балкона придурочного Шарля. Фауст всегда закрывал глаза на «приколы» друга, ведь чем бы дитя ни тешилось, но тут де Крюссоль перешел черту.

Фауст вернулся в комнату… и увидел сидящего на кровати Шарля.

– Уже наслышан, что произошло, – сказал тот, поглядывая на Фауста то ли с иронией, то ли с сочувствием. Скорее он пытался изобразить сочувствие, но смех так и рвался наружу. – Не волнуйся, мы вместе отомстим обидчику.

– Так это был не ты?

– Спятил?! Мы же друзья.

– А еще ты упоминал про скучные университетские будни и желание их разбавить. Почему бы не мной, таким «приунывшим» в последнее время? – по мнению Шарля, смерть Бланки – трагедия. Но трагедии принято оставлять позади, тем более, преступник наказан.

Жизнь продолжается, она фактически только начинается! Нельзя тратить ее на уныние. В том числе за эту философию Фауст высоко ценил такого непохожего на него Шарля, но все же… проникнуться идеями друга не получалось.

– Признаться, была у меня такая мысль, но меня опередили.

– Какая досада.

– Ничего подобного, так даже интереснее: сначала мы найдем виновного, а после вывернем его подсознание наизнанку, вытрясем все грязные секреты и распространим их по кампусу.

Шарль еще что-то болтал, строил планы по отмщению, но Фауст его не слушал, он пытался восстановить картину случившегося. Как так вышло, что он ничего не помнит? Вообще ничего. Кажется, он ужинал, потом вернулся к себе… или не вернулся? Все как в тумане. А значит, его не просто опоили, было воздействие через подсознание. Только это объяснило бы все странности.

– Может, это месть обиженной девчонки? – продолжил накидывать варианты Шарль. – Девчонки бывают очень лютыми. И обидчивыми. И злопамятными.

– Не бывают, если не спорить на них, не забывать их имен и не хамить, – отмахнулся от этой версии Фауст, которого можно было обвинить разве что в холодном равнодушии ко всем, кто ему не интересен.

Учебное время Фауст потратил на прояснение обстоятельств: видел ли кто-нибудь его вчера вечером, и если да, то куда он направлялся, как выглядел. Установить удалось следующее: последний контакт с человеком состоялся около полуночи, когда к нему заглянул Джагдиш Шарма с просьбой посмотреть ноутбук. Неделя только началась, в Фише новую технику не купить, а ждать до выходных Джагдиш не мог, вот и кинулся за спасением к Фаусту. И он, по словам Джагдиша, уже лег спать.

А дальше все запуталось: пройти через пропускную систему на первом этаже Фауст никак не мог, но на случай, если все же смог, он достал записи с камер. Подозрение подтвердилось: Фауст не выходил из замка на своих двоих. В окно тоже не прыгал, все-таки шестой этаж… парень не поленился и проверил другие записи, и ни на одной из них его ночью не было. Вот так незадача! Либо кто-то подменил записи, и этот кто-то должен быть настоящим хакером, либо… либо Фауста извлекли.

За корпусом камер нет, проверить теорию Фауст не мог.

Но чем больше думал об этом, тем больше убеждался: произошло именно *извлечение.* Оно объяснило бы все. Стоило подумать об этом сразу, но в мире виаторов все привыкли держать материалистов в стороне, думать о них в последнюю очередь. И даже Фауст поддался этому веянию, хотя Паук давно интересовал его…

Паук!

Вчера Фауст говорил с Эльфиной Рейн.

А после этого разговора проснулся, привязанный к дереву, выдернутый из кровати в одних трусах. Повезло, что он не спит голым… Паук извлек его за один короткий разговор с Эльфиной Рейн? Что за бред! Она не какая-то неприкосновенная личность, к ней многие обращаются. А тут такая реакция… уж не потому ли, что Паук в курсе, что Фауст идет за ним? Тоже сомнительно, откуда?! Не мысли же он читает.

Но все равно стало неуютно.

Хотя отступать Фауст не собирался, глупая пугалка на нем не сработает.

Уже перед сном к нему опять ворвался Шарль с новыми теориями и планами расправы. Слушать все эти глупости не было сил, и Фауст равнодушно отмахнулся:

– Да знаю я, кто это был.

– И кто же?

– Эльфина Рейн.

– Эльфина… а, девица, которую ты нанял, чтобы проникнуть в мое подсознание? – Шарль был посвящен в детали плана, все-таки использовать друга втемную не в духе Фауста. – Она не смогла, поэтому отомстила тебе? Говорил же, девицы эти все как одна мстительные фурии… или постой! Может, она прознала о твоем обмане? Ведь… – и тут Шарль запнулся, его глаза расширились от понимания: *он забыл.* Забыл, что именно Эльфина Рейн должна была сделать в его подсознании. А значит, все у нее получилось.

– Я с ней поговорю, – решил Фауст, по опыту зная, что простая и короткая беседа порой может в корне перевернуть ситуацию. Это нападение не казалось логичным, пусть даже и Паук вдруг ополчился на него, поэтому… есть надежда, что разговор поможет восстановить утерянную логику.

А вот Шарль придерживался другого мнения:

– А я бы не стал.

– Попридержи свои планы мести, будь другом.

– Договорились.

Увлеченный своими мыслями Фауст не заметил многообещающей улыбки вечного проказника Шарля де Крюссоля.

ГЛАВА 7

Шли дни, Эль продолжала балансировать между сумасшествием Шарля де Крюссоля и своими нуждами. И ночами она почти не спала, готовилась к промежуточному зачету по истории виаторов. Так вышло, что историю Эль никогда не воспринимала всерьез и наивно полагала, что зачет сдаст шутя, а само понятие «промежуточный зачет» и вовсе существует для каких-то старательных заучек. Оказалось, что этот самый «промежуточный зачет» как бы открывает путь к настоящему. И, если провалиться сейчас, можно вылететь сначала с курса по истории, а потом и из самого Глетчерхорна, ведь мир виаторов целиком и полностью состоит из истории, он ей дышит. Не зная своей истории, велик шанс повторить ошибки прошлого.

Подготовка шла ни шатко ни валко, в основном из-за шума в коридорах замка. После «нападения с зубной пастой» девушки позабыли, что они тут все леди, и начали воевать друг с другом. Возможно, потому что Эль вымазала пастой первые этажи и пустила слух, что напавшие живут наверху. Дальнейшие боевые действия проходили без активного участия Эль, которая вынуждена была погрязнуть в исторических аспектах сноходческой жизни. Даже по ночам Эль не посещала Сомнус, а крепко спала и видела при этом бесконечный поток цифр. 1324 год, 863, 1578… вот это настоящие кошмары, после которых весь день насмарку.

Промежуточный зачет должен был состояться в среду, после визита Эль в подсознание де Крюссоля прошло больше недели. Отпустило ли ее за это время? Отправляясь на завтрак в один из дней, Эль случайно наткнулась на Гая, подбежала к нему со спины и резко выдернула трусы из брюк, так что ответ – нет. Эль не отпустило. И Гай это понял, глядя на нее круглыми от удивления и боли глазами. Розыгрыш вызвал бурю смеха среди очевидцев, а Эль бежала с места событий, широко улыбаясь.

К среде глаза Эль превратились в красные щели, а голова раскалывалась от количества цифр. Но, пожалуй, с промежуточным зачетом она совладает, можно будет забыть об истории до января. Направляясь на зачет, Эль думала о грядущем вечере. Наконец-то она выспится, встретится с Гаем, они поболтают, гуляя меж пряничных домиков… додумать мысль девушка не успела, кто-то бесцеремонно схватил ее за плечи и натянул мешок на голову.

– Какого… – даже выругаться Эль не смогла, ведь ей зажали рот. И происходило это посреди Глетчерхора, совсем рядом с корпусами! Вокруг должны быть другие студенты, почему никто не спешит ей на помощь?!

На мгновение чужая рука оторвалась от рта Эль, чтобы вернуться уже с влажной тряпицей с резким запахом. Эль отчаянно боролась, пытаясь вырваться и убрать от себя этот запах, не вдыхать, но напавший оказался сильным малым. Эль-таки вдохнула и отключилась.

Пришла в себя в темном помещении, привязанной к стулу. Вокруг черная дыра, ничего не разглядеть. Встать со стула тоже не вышло, Эль привязали ноги. И, как назло, девушка совсем не хотела спать, а значит, в спасительный Сомнус никак не нырнуть, не позвать на помощь Гая. Разве что кто-то из похитителей поделиться с ней гипнотином, что вряд ли. Придется либо выжидать, либо выбираться иным способом.

Ладно, в любом случае пришлось бы выбрать вариант второй. Через Сомнус Эль могла отыскать Гая, но как бы он ее нашел? Она сидит в темноте, не знает, сколько времени прошло, куда ее успели утащить… вряд ли далеко, все же похитить человека посреди Глетчерхорна еще с натяжкой можно, но протащить через все охраняемые подъемники? Нет и еще раз нет.

Пока Эль думала, как ей быть, позади скрипнула дверь. Мелькнула полоска света, но сразу исчезла, а девушка почувствовала, что за спиной кто-то есть. Не один. И шагов было больше… по ощущениям в эту темную комнату зашло как минимум два человека, а то и три. Сердце Эль забилось чаще, впервые после пробуждения ей стало по-настоящему страшно.

Потому что она вдруг вспомнила, кто мог похитить ее даже в Глетчерхорне, даже среди лекции или прямо из кафе. Ее личные кошмары способны и не на такое. Ее мать способна.

– Ты была плохой девочкой, Эльфина Рейн, – шепнули из темноты.

Страх, поднимавшийся к горлу Эль, сразу отступил. Нет, это не ее кошмары, не ее мать. Это какая-то ерунда, с которой она точно справится, хотя раньше Эль не похищали. Но новый опыт всегда полезен, так говорят.

– Ты наказана, Эльфина Рейн, – шепот уже второго гостя. – Твоя жизнь в наших руках, ты можешь просидеть здесь вечность. И у тебя есть только один шанс уйти, спасти свою жизнь…

Эль надоело слушать этот пафос:

– Нет, это *у вас* один шанс спастись, ребята, кем бы вы ни были, – на самом деле девушка лукавила, она поняла, кто ее похитил. Как только отвалилась версия с личными кошмарами, осталась только одна: сеньор де Веласко не оценил прикол с деревом и решил ответить. Что ж, справедливо. И Эль даже не будет ему мстить… даже странно, что в голову ей пришла такая мысль. Может, Сомнус Шарля растворился в ней после встряски с похищением? Тогда похитителям можно сказать спасибо.

А может, все проще, и в критические моменты личность Эль брала верх.

– Вы знаете мое имя, а значит, кое-что обо мне слышали. А если не слышали… я выберусь отсюда рано или поздно, вы же меня и отпустите. Один шанс уйти, серьезно? Вы меня убьете? Или пытать начнете? Не смешите заложницу, она хочет в туалет! И вот как мы поступим, – повторяя за горе-похитителями, Эль зашептала: – Сейчас вы уйдете и все обдумаете. И тот из вас, кто первым вернется и развяжет меня, не узнает, что такое месть Эльфины Рейн.

– Да кем ты себя возомнила! – возмутился один из парней, выдавая свой голос, а заодно и акцент. В Глетчерхорне в основном использовался универсальный английский, но студенты прилетали с разных концов планеты, поэтому и речь можно было услышать самую разную.

Грозный похититель говорил что-то еще, стращал и запугивал, но Эль не слушала, потому что на самом деле очень хотела в туалет. Если бы она знала, что ее похитят, не стала бы пить это проклятое шоколадное молоко! Целый литр уговорила ведь…

Дверь за спиной захлопнулась, мир опять погрузился в темноту.

Эль не знала, сработает ли ее угроза, хотя подозревала, что да: визитеров было трое, а распинался о скорой каре только один. Другие двое таинственно помалкивали, они опасались говорить. И нужен только один человек, который вернется и развяжет Эль. Всего один из трех.

Где-то через час (по ощущениям это была вечность, в течение которой девушка боролась с организмом из последних сил) Эль услышала шорох. Вернулся! Кто-то вернулся. И в одиночестве, судя по тихим шагам за спиной. Парень осторожно схватил Эль за руки и щелкнул раскладным ножом. Тяжело сглотнул.

– Ты ведь сдержишь слово?

– Никакой мести, обещаю.

– Остальных тоже не трогай.

– Об этом торговаться не будем, – нетерпеливо бросила Эль, ерзая на месте. – Развяжи меня скорее!

Неизвестный оказался парнем понятливым и начал пилить веревку. Как только руки оказались на свободе, Эль сама избавилась от пут на ногах, вскочила и, прихрамывая после долгого сидения, бросилась прочь. Освободивший что-то бормотал ей вслед, но цель Эль сейчас стояла красной пеленой перед глазами.

Девушка выскочила на улицу, вдохнула холодный горный воздух и отправилась за угол. Вернулась уже спокойной, счастливой и готовой простить весь мир, а спасителя и вовсе расцеловать. Иногда для счастья надо так мало, так мало…

Спасителем оказался – сюрприз! – Генри Кавендиш, один из дружков де Крюссоля. Он беспокойно переминался с ноги на ногу и как будто ждал от Эль удара исподтишка. Что глу-

пость, Эль не драчунья. Пока, по крайней мере. Вот была бы у нее под рукой зубная паста, тогда этому Генри пришлось бы несладко, а так он в безопасности. Скорее всего. Дело в том, что с обещаниями у Эль бывают сложности, сама-то она человек слова, но как бы сейчас она сама не своя.

– Дурацкие вы похитители, – бросила Эль, разглядывая место своего заточения – хилую избу неизвестного назначения. И в километрах от Глетчерхорна, так что еще обратно придется топать.

– Нормальные. Если бы я не пришел тебе на помощь…

– И ты сделал это очень вовремя, за это спасибо.

– Может, мы не продумали некоторые моменты, – Генри выразительно посмотрел на угол, за который бегала Эль.

– В следующий раз будьте осмотрительнее.

– Следующий раз?! Это ты шутишь так? По мне, похищения не тянут на розыгрыши. Ты, конечно, жестко поступила с Фаустом, но мстить девчонке… в общем, ты не думай, что твоя угроза меня напугала. Я это… просто джентльмен.

Эль не стала комментировать, а первой отправилась по тропе к замку.

ГЛАВА 8

Фауст

– Ты сделал что?!

– Да не ори так, посидит взаперти, подумает о своем поведении, ничего особенного. И ее не найдут, не волнуйся, мы с ребятами оттащили ее в сторожку, – Шарль махнул рукой в сторону гор.

Будь Фауст более эмоциональным, точно бы вскочил и начал рвать на себе волосы, а так лишь вздохнул и зажмурился. Он до последнего надеялся, что ослышался, что Шарль не похитил Эльфину Рейн возле учебного корпуса… пожалуй, теперь разговора с девушкой не получится. Фауст и сам не понимал, как так вышло, просто куча глупостей наслоились друг на друга даже без его участия! Сам он вообще ничего плохого не сделал. Даже после извлечения, на которое, между прочим, любой виатор вправе пожаловаться в Комиссию, Фауст смолчал, ему важно было найти общий язык с девушкой, способной помочь с деликатным делом.

– Что за сторожка? – спросил он у довольного Шарля.

– Да горная! В которой мы в прошлом году ставили эксперименты с гипнотином. Бланка еще всю дорогу ныла, что это далеко и она не дойдет… та самая сторожка. О ней никто не знает, идеальное место.

Фауст кивнул, поднялся и надел толстовку.

– Куда-то собрался? – наблюдая за приятелем, спросил Шарль.

– Отпустить Эльфину.

– Но она там даже ночь не просидела, ты что… у меня на ее счет есть пара идей. Вот первая: завязываем ей глаза, сажаем в самолет и бросаем с высоты. С парашютом, конечно, не смотри так! Это будет очень круто. Вторая идея поскучнее: наливаем ванну, запускаем туда живую рыбу и раков. Сверху побольше пены, чтобы не было видно, и воаля, наслаждаемся воплями Эльфины Рейн!

– Ты это серьезно?

– Конечно, есть еще третья идея…

– Лучше не озвучивай, – пригрозил Фауст и поспешил в ночь.

В горах давно стемнело, но студенты не спешили расходиться по комнатам, ловя последние теплые дни. Скоро начнутся снегопады, морозы и метели, на улице никого не останется. И уж точно никому не придет в голову устроиться на лавочке с ноутбуком или сидеть на деревянном помосте возле кофейни, лениво потягивая матчу. Уйдет эта атмосфера, все набьются в помещения… вот этого Фауст ждал с содроганием, ведь сейчас он легко занимал целый столик, мог сидеть там весь вечер, никем не потревоженный, а зимой такое невозможно.

До сторожки Фауст добежал минут за пятнадцать, помогла привычка к одиноким пробежкам. Он застыл возле входа, отдышался немного и толкнул дверь, готовясь… извиняться, оправдываться, а может, даже угрожать, ведь самого его извлекли… в общем, он планировал ориентироваться на месте.

Но Эльфины Рейн в сторожке не оказалось.

Она сбежала? Ее опять похитили? Фауст очень надеялся, что нет, но его бы ничего не удивило, ведь в последнее время все шло как-то криво. И вот опять… вместо заготовленной речи из парня вырвалось ругательство, на всякий случай он обошел сторожку еще раз и вернулся на улицу.

Огни замка мелькали далеко впереди, придется пробежаться еще раз. Фауст не ляжет спать, пока не убедится, что с девчонкой все в порядке, все-таки пострадала она по его вине. Не

стоило упоминать о ней при Шарле. И стоило поговорить с ней сразу, но, как назло, он ни разу не смог подкараулить Эльфину в кофейнях или других общественных местах Глетчерхорна.

У башни имени Риты Кастильо Фауст огляделся и тихо свернул за угол. Шарль часто шастал к девушкам по ночам, поэтому Фауст точно знал, как забраться в башню в обход пропускной системы: через окно общей комнаты. Комната находилась на первом этаже, но старый замок – не современный дом, на первый этаж еще вскарабкаться надо. Фауст изрядно попотел, хватаясь за бедные выступы на каменной стене, но наконец оказался у окна. Открытого, к счастью.

Общая комната встретила темнотой и отсутствием людей. Парень осторожно выглянул в коридор: никого. Теперь встал вопрос поиска Эльфины Рейн. Проверить ее комнату в первую очередь логично, Фауст все же надеялся на версию с ее побегом, все-таки девушка предприимчива и не без репутации. Еще по дороге к замку он нашел в электронном каталоге студентов номер Эльфины, но дозвониться не смог, возможно, ее телефон сел. Теперь же он быстро влез в другой каталог и вытащил номер ее комнаты. Королевские апартаменты, между прочим. Неплохо, однако.

Стараясь не шуметь, Фауст взлетел на третий этаж, нашел нужную комнату и прислушался. Вроде все тихо. Нажал на ручку двери… и она неожиданно открылась. Подумав секунды две, Фауст шагнул в комнату с одной лишь целью: не поднимать шум в коридоре. О том, как Эльфина отреагирует на его ночной визит, думать не хотелось.

Впрочем, девушки все равно не оказалось на месте.

И ничто не намекало на ее недавнее присутствие.

Фауст бессильно опустился на кровать и схватился за голову: и что делать теперь? Он ведь правда решил, что она сбежала… а вдруг де Крюссоль его обманул и сторожка какая-нибудь другая? Эта ночь будет долгой. Но он не оставит девочку в одиночестве где-то в горах, это как-то… неправильно. И почему-то это самое одиночество напоминало парню Бланку и ее застывшее во льду лицо. Она тоже была одна.

– Какого черта ты делаешь в моей комнате? – раздался голос со стороны окна и Фауст вскочил на ноги. Оказалось, у комнаты есть балкон, а на балконе… стояла Эльфина Рейн с десятками тюбиков зубной пасты в руках.

Заметив его взгляд, девушка отшвырнула тюбики в сторону.

– Повторить вопрос?

Но у Фауста созрел вопрос собственный:

– Ты сбежала после похищения и первое, что сделала, это вымазала кого-то зубной пастой? – такое не укладывалось в голове.

– А ты узнал, что я сбежала, и поторопился похитить меня еще раз?

– Нет, я пришел все прояснить.

– Не стоит: мы квиты.

– Но…

– Не знаю, что ты там себе нафантазировал, но я не ввязываюсь в глупые разборки, – взгляд Эльфины упал на валяющуюся под ногами зубную пасту и она вздохнула: – Повеселились и хватит. Ты доказал, что способен ответить, молодец. Это даже похвально. Предлагаю разойтись на ничьей и друг о друге забыть. Навсегда. А теперь спокойной ночи, Фаустино, ты знаешь, где дверь.

Ладно, раз с ней все в порядке, можно начать раздражаться:

– Ты можешь помолчать и послушать? – Фауст повысил голос, что делал крайне редко, но уж очень все криво клеилось у него с Эльфиной Рейн. Вот и сейчас: и вела она себя странно, и даже выслушать не пожелала, вместо этого благодушно простив и практически выставив прочь. – Тебя похитил Шарль, решив отомстить за меня. И ты первой начала этот фарс, так

что о ничьей речи нет. Извлечение? Комиссия такое не одобрит, если мне в голову придет пожаловаться.

– Я мыслитель, учусь четвертый год. Как, по-твоему, я могла тебя извлечь? – хмыкнула Эльфина. – Вряд ли в Комиссии всерьез воспримут твою жалобу. А если и так… пусть трясут материалистов, они ко мне отношения не имеют.

– Даже Паук?

– Паук – это местная сказка, я его не встречала.

– Конечно. А извлек меня святой дух?

– Никто тебя не извлекал, – глядя в глаза Фаусту, соврала Эльфина Рейн. – И уж точно это сделала не я. Может, одна из тех девушек, на которых вы так любите поспорить с Шарлем? Круг подозреваемых велик, с какой стати я вдруг заняла первую строчку? Мы даже не знакомы.

– Шарль тебя обидел? – из речи девушки Фауст понял именно это. – Так разбиралась бы с ним. Мы друзья, а не единое целое. Ты втянула меня в это противостояние, хотя я собирался тебя нанять!

– Ты хотел меня нанять?

– Теперь уже не очень хочу, – ложь, он все еще хотел. Потому что Эльфина Рейн зацепила его еще до первой встречи, все эти слухи о ней вызывали любопытство, заставляли думать, представлять… а реальность не успела разочаровать. Даже наоборот. Сразу понятно, что Эльфина – крепкий орешек.

– Уточню: ты хотел меня нанять, когда подкараулил возле кофейни?

– Да.

– И для чего?

– Хочу знать, что на самом деле случилось с Бланкой.

– С Бланкой де ла Серда? Ледяной девушкой? – неудивительно, что Эльфина сразу поняла, о ком речь. Бланка стала знаменитостью после смерти и о ней будут говорить еще десятки лет. Раньше в Глетчерхорне таких убийств не случалось.

– Да.

Девушка задумалась о чем-то, а потом медленно кивнула:

– Хорошо. Поговорим завтра в «Мюллере» в семь вечера.

– Почему не утром?

– А утром мне придется исправлять то, что натворил Шарль, и убеждать историка, что я достойна получить второй шанс и сдать этот проклятый промежуточный зачет. Что будет очень сложно, ведь историк меня в глаза не видел и вряд ли вспомнит.

– Встретимся утром, – предложил Фауст. – Твой зачет по истории к тому моменту будет готов, историк и правда не отличается памятью на лица. В обмен ты дослушаешь меня до конца.

Эльфина Рейн смерила Фауста недоверчивым взглядом, но согласилась.

ГЛАВА 9

Эль шла на завтрак в растрепанных чувствах.

Фаустино застал ее врасплох, когда заявился в комнату… поэтому она не послала его сразу. Думала слиться с ужина или выслушать и вежливо послать. Поставить наконец точку между ними. Возможно, Фаустино и правда хотел с ней поговорить, а она сделала вывод на пустом месте и приковала его к дереву ночью. И пусть ее вело подсознание Шарля де Крюссоля, но ведь и сама Эль есть где-то внутри. Она главная, просто иногда не в силах устоять перед соблазном. Именно так нравилось думать самой Эль.

В общем, чувство вины и эффект неожиданности смешались, поэтому она согласилась на встречу с Фаустино. А еще он поманил ее зачетом… ладно, за это она выслушает его до конца. Промежуточный зачет и правда появился утром в системе: если верить приложению Глетчерхорна, Эль как примерная студентка сдала историю вместе с остальными. Это впечатляло.

Но не настолько, чтобы впутаться в историю.

Эль всегда четко контролировала свою деятельность: ее дела либо приносили доход с большим количеством нулей, либо влияние среди виаторов-однокурсников. Будущих светил Комиссии, двигателей прогресса… даже в Глетчерхорне Эль оказалась по этой причине: девушке требовалось нарастить влияние. Учеба ее не интересовала. Много лет спустя ее однокурсники займут высокие посты, а Эль использует их прошлые ошибки. Ради свободы.

Убийство тут никаким боком не вписывалось.

Слишком много сложностей, много ненужного внимания и рисков. Хотя еще год назад Эль поняла, что мсье Лерой вряд ли имеет отношение к произошедшему. В этом ледниковом убийстве все мутно и странно, а от такого лучше держаться подальше. Так что да, Эль выслушает Фаустино, поблагодарит за зачет, извинится за недоразумение с деревом и попрощается навсегда.

Фаустино уже ждал ее в «Мюллере», Эль села напротив и улыбнулась:

– Слушаю.

– Вот так сразу? Может, для начала сделаем заказ? Я бы сказал, что угощаю, но здесь все бесплатно.

– Хорошо, давай закажем.

Они оба оказались любителями классики, выбрали по яичнице с сосисками и молча уставились друг на друга в ожидании заказа или начала разговора. А еще оба друг к другу приглядывались. Эль делала это уже не первый раз, но сегодня она смотрела на Фаустино де Веласко со свежей головой, не ожидая подвоха и не планируя что-нибудь эдакое. Обычно Эль твердо придерживалась правила: все, что произошло под влиянием чужого подсознания, остается вместе с чужим подсознанием в прошлом, но правило это не всегда работало. Стыд нет-нет, да давал о себе знать. И сейчас Эль было неловко за себя и свои выходки. Соседки переживут приключения с зубной пастой, но с Фаустино Эль была безжалостна. А он ничего, завтракать ее пригласил, смотрит без осуждения. Просто смотрит.

– Спасибо за зачет, – Эль заговорила первой. – Это было сильно.

– Ничего особенного, – отмахнулся Фаустино.

– Ты компьютерный гений или что-то вроде того?

– В прошлом году работал в отделе it-разработки, писал новые приложения для Глетчерхорна и менял старые коды.

– Новые приложения? Типа GletcherCouple?

Фаустино хохотнул:

– Нет, пусть виаторы строят свою любовь без моего участия.

Эль тоже улыбнулась, но вымученно. Приложение GletcherCouple было запущено в прошлом году и набирало обороты с бешеной скоростью. Регистрация доступна только виаторам, причем не одним лишь студентам Глетчерхорна, а вообще всем, на любых концах планеты. Просто разработчик еще студент, поэтому и название соответствующее. А суть проста, как и в остальных похожих приложениях: поиск совпадений, общих интересов, целей и направленностей Сомнуса, и все ради создания идеальной ячейки общества.

Приложение имело несомненный успех, но и критиковали его дико, потому что цель GletcherCouple улавливалась четко: размножение и усиление способностей будущего поколения виаторов. Евгеника, если говорить прямо. Совпадения не выдавались просто так, в совпадениях всплывали равные по возможностям виаторы разного пола.

Эль всегда пугали такие идеи.

Потому что о евгенике она знала не понаслышке.

Завтрак наконец принесли, Эль и Фаустино быстро перекусили, не переставая друг к другу приглядываться. Эль и сама не понимала, отчего ее взгляд то и дело прилипал к этому парню. Какой смысл наблюдать за ним, если она для себя все решила? Никакого убийства, никакой Бланки де ла Серда.

Фаустино отложил вилку и аккуратно вытер рот салфеткой.

– О тебе говорят много разного, – начал он. – Иногда это не самые приятные вещи и, пожалуй, теперь я могу добавить к этим сомнительным историям свою. Но… мир не черно-белый, а по-настоящему талантливые люди часто оказываются не такими, какими их хотят видеть другие. Главное – результат, продукт деятельности. А ты выдаешь продукт качественный. Я говорил с людьми.

– И они поделились с тобой историями?

– В анонимной переписке.

Эль усмехнулась, припомнив, как Фаустино организовал ей зачет:

– Такой уж анонимной?

– Это неважно. Их иллюзия осталась с ними, все довольны.

– Я уловила мысль. Ты хорошо объяснил про «черно-белый мир» и свой взгляд на жизнь, – и про саму Эльфину, завернув про «талантливых с душком», но об этом девушка тактично умолчала. В конце концов, Фаустино вправе на нее сердиться, очнуться морозным утром практически голышом – удовольствие ниже среднего. Так же неприятно, как быть похищенной средь бела дня.

– Еще ты любишь деньги, – невозмутимо продолжил Фаустино, глядя девушке в глаза. – Я долго ломал над этим голову и до сих пор не понимаю, зачем они тебе. Но дело твое. Я готов заплатить. Любую сумму.

– Обычно я прошу много.

– Я дам больше обычного.

Эль усмехнулась: похоже, анонимные истории, добытые Фаустино в интернете, не отражали всей правды. Люди таким не делятся даже тайно, может, стараются забыть о произошедшем, надеясь, что все забудется… и их надежды могут сбыться. А могут и нет. Как повезет.

В своих делах Эль брала не только деньги.

Они были вершиной айсберга, необходимостью и прикрытием одновременно. Когда Эль и Гай отправились шагать по миру в двенадцать лет, поначалу было туго. Способности сноходцев выручали, но они быстро поняли, что это неправильно, грязно. Нет, Эль готова была нарушать правила, невинной девочкой она никогда не была, но и у нее за годы скитаний по миру реальному и не очень организовался целый свод правил. И первым пунктом было: никогда не использовать невинных людей, не идти по головам слабых и беззащитных. Тех, кто ничего не знает.

Поэтому Эль и Гай нашли другой путь. Точнее, им помогла пожилая мыслительница, встретившаяся случайно на пути. Марта Рейн. Вопрос пропитания решился, вопрос будущего повис в воздухе. С побега прошло несколько лет, вчерашние дети стали подростками, недоверчивыми ко всему миру. Как два волчонка, Эль и Гай прятались в подворотнях Амстердама, Парижа и Брюсселя, вдыхали сладковатый запах травы, круассанов и вафель. Но не свободы.

Тогда на помощь пришла Марта Рейн.

В первую встречу она не задавала вопросов, просто помогла, а во вторую сразу перешла к делу: Марта знала, откуда явились два «безродных волчонка». Знала все время. И часто вспоминала о двух странных детях, искренне хотела им помочь, просто не понимала, как. У Марты Рейн не хватало связей. И тогда Эль впервые задумалась не о страхе быть пойманной, не о следующем дне, а о мире виаторов. О мире возможностей и тех самых связей, о которых рассуждала старая Марта, а не о мире абсолютного порока и кошмаров, как его видела сама Эль.

Зло всегда можно победить.

Но не страхом и прятками.

Зло наградило Эльфину необычным талантом. Оружием, если угодно.

Зло должно погибнуть от своего же оружия. Зло создало кошмар, и кошмар его уничтожит. Может, старая Марта в далеком прошлом не помогла так, как ей хотелось, но она сделала намного больше: создала Эльфину Рейн. Пугливая темноволосая, кудрявая и чуть округлая Марина Медведева исчезла. На ее месте появилась Эль, мыслитель среднего уровня, студентка Глетчерхорна. Поначалу совсем незаметная, но умеющая прийти на помощь другим за определенную плату. За три года масштаб личности Эльфины Рейн вырос до такой степени, что о незаметности можно было лишь мечтать. Да и сама Эль обнаглела. Ее дело давалось ей легко, поэтому она шла дальше, брала новые вершины. Она чувствовала власть, пусть и опасалась быть раскрытой, ведь чем дальше, тем более явно на горизонте девушки маячил преподавательский состав или та же Комиссия. Но власть такая штука… она сильнее страха.

Три года не прошли для Эль даром.

Обретенного влияния пока недостаточно. Личный кошмар Эльфины Рейн так велик, что для победы над ним придется приложить немало усилий. Придется вытащить из мира Сомнус еще сотни клещей сознания и раздать их однокурсникам за оказанные услуги. Говорят, Эльфина Рейн работает на неведомого Паука. Но паутина, сплетенная вокруг девушки, ясно намекает, кто здесь Паук. Это просто еще одна личность одной девушки.

У виаторов все подчиняется правилам, поэтому никто и никогда не заподозрит Эльфину Рейн в изъятии паразитов, клещей и других продуктов мира подсознания. Никто не заподозрит ее в извлечении Фаустино де Веласко. Потому что это невозможно по всем законам сноходцев. Это как нарушение закона физики. Мыслитель не способен на извлечение, как материалист не способен влиять на подсознание, как астрал не способен ни на что из вышеперечисленного.

Но иногда законы физики нарушаются и на свет появляются исключения. Со множеством изъянов и побочных эффектов, но это только пока. Первый блин всегда комом, но будут и другие блины, более цельные… Именно поэтому Эльфина когда-то сбежала: ее пугала мысль стать началом конца.

ГЛАВА 10

– Бланка была твоей девушкой? – начала Эль.

– Нет. Но мы выросли вместе. Я, Гастон – ее брат, Шарль, Генри, Эрих и Сэм. Саманта. Шарля и Генри ты наверняка знаешь, Гастон пока не готов вернуться к обучению, Эрих занят спортивной карьерой и Глетчерхорн заканчивает заочно, а Сэм выпустилась летом.

– И… вы все хотите меня нанять? Или только ты?

– Это… – Фаустино запнулся и нервно взъерошил волосы. Разговор о Бланке давался ему нелегко, Эль это видела. Может, он был в нее тайно влюблен, а теперь страдает? И хочет найти успокоение в расследовании, которое никуда не приведет. Эль это видела так же четко, как самого Фаустино де Веласко. Раз в смерти Бланки столько странностей, значит, они были кому-то нужны. Кому-то, способному надавить на расследование Комиссии, обвинить потенциально невиновного и все замять. В общем, можно даже не пытаться. Но как сказать об этом Фаустино, Эль не знала. Она вообще… по странной, невероятной даже причине прониклась сочувствием к сидящему напротив парню. Что тоже не слишком хорошо.

– Есть признание, понимаешь? – наконец собрался Фаустино. – Есть переписка Бланки и мсье Лероя, есть показания соседки Би, которая знала об их связи. Якобы они встречались несколько раз, но Би потеряла интерес. Уго Лерой начал беситься, скандалить… классическая история, каких миллионы.

– Все верят, но не ты.

– Что-то вроде того.

– А от меня ты чего хочешь? Я не частный детектив.

– А Паук?

– Откуда мне знать, – пожала плечами девушка.

Фаустино усмехнулся и покачал головой:

– Конечно, откуда тебе знать… хотя ты кое-что забыла: я справки наводил. Да, чаще о тебе отзываются как о мыслителе, способном на невероятные вещи. Ты сильна, Эльфина Рейн, и этим пользуешься, воруешь воспоминания, да так, что не подкопаться… но ты действуешь не одна. Это точно. С тобой материалист, проводящий извлечения за деньги. Вы… не понимаю, зачем вам это, но какая разница. Я хочу этим воспользоваться и готов заплатить. Мне двадцать один, трастового фонда хватит на покупку страны, не может быть, что тебе этого будет мало. Или ему.

Надо уходить сейчас же!

Встать и уйти.

Они в Глетчерхорне, а значит, даже счет ждать не придется… но Эль словно приросла к стулу, потому что хотела дослушать до конца. Фаустино де Веласко показался девушке разумным, тем более, он программист, а значит, способен к критическому мышлению. У него есть что-то помимо эмоций и подозрений в невиновности Уго Лероя. У него есть факт, доказательство.

– Расскажи все, а там посмотрим, – сдалась Эль.

И Фаустино рассказал. О Бланке и ее привычках, о ее любви к высоким каблукам и ненависти к спорту. Бланка любила платья, громкие премьеры и бриллианты, уход за собой, салоны красоты… такая девушка не доберется пешком до ледника, это ведь километров десять по скалам. Тропа есть, но обрывается на половине пути, дальше даже для подготовленного спортсмена дорога становится нелегкой.

– И я говорю не о том, что это само по себе странно, тащиться на ледник, что так и есть, – весомо добавил Фаустино. – Я говорю о том, что Би никогда бы туда не дошла. Это физически невозможно. Она бы легла за землю через пару километров и отказалась идти.

– Ее могли заставить, – выдвинула предположение Эль. – К тому же, не стоит недооценивать возможности человека, который что-то *захотел*. Одно дело – играть в слабость в рядовой день, совсем другое – действие в чрезвычайной ситуации.

– Мсье Лерой назначил ей свидание, что в этом чрезвычайного?

– Не знаю, – ответила Эль. – Это ведь не я шла к нему через горы. Ладно, рассказывай дальше…

Фаустино стоит отдать должное: он говорил хорошо, коротко и по делу. Возможно, репетировал, а может, это его особая черта, но Эль ни разу не захотелось парня поторопить или остановить ради уточнений. После рассказа о физических возможностях Бланки, он перешел на ее личную жизнь. Бланка была зарегистрировала в приложении GC – GletcherCouple, Фауст часто видел знакомую цветовую гамму в телефоне девушки. Она с кем-то общалась, переписывалась ежедневно на завтраках, лекциях и даже по вечерам, общаясь с друзьями. И переписывалась она не с преподавателем.

– А с кем?

– В этом и проблема: я не знаю.

Брови Эль удивленно поползли вверх:

– Ты не знаешь? Я думала, ты взломал ее аккаунт и все выяснил.

– Конечно, я это сделал. Но там было пусто… то есть, переписок много, совпадений и так далее тоже предостаточно, но ничего серьезного. В основном короткие приветствия, ежедневные «добрые утра», смайлики или несерьезные попытки флирта. Ничего такого, что могло занимать Би ежедневно, понимаешь?

– Кто-то удалил переписку? Но разве интернет не хранит все?

– Нет, если находится способный человек, которому очень хочется замести следы.

– Такой, как Уго Лерой? – вот так совпадение: молодой преподаватель, обвиненный в убийстве, как раз занимался технологиями. Эль не помнила точного направления, для нее все, связанное с компьютерами, было компьютерным чем-то там. Это большой пробел в знаниях, но восполнить его не получалось, банально не хватало времени и сил.

– Это был не он.

– Почему?

– Потому что он псих, который сразу во всем признался. В слежке за Би, в ревности… как-то это не вяжется с портретом человека, что взломал приложение и все подчистил. Зачем тогда признаваться?

– На него надавили, он испугался. Не ожидал, что на него выйдут.

Фаустино покусал губы, раздумывая о чем-то, и сказал:

– Через приложение я нашел аккаунт мсье Лероя. И он никак не мог выпасть Би в совпадениях, совместимость процентов пятнадцать. Би из древней семьи, где каждое поколение виаторов сильнее предыдущего. Они об этом заботятся. А Уго Лерой середняк с намешанной кровью, его бабушка вообще не из виаторов. У них не было шансов встретиться в приложении, они должны были общаться в другом мессенджере. А я видел именно GC, причем много раз.

– Хорошо, – медленно кивнула Эль. – Но ведь и это еще не все?

– Этого хватило, чтобы я заинтересовался расследованием Комиссии и достал их отчет. С фотографиями, текстами допросов, результатами вскрытия… тогда моя уверенность, что с Би все не так просто, укрепилась окончательно.

– Ты достал отчет Комиссии?!

Фаустино кивнул.

– Но как? Через отца?

– Ты согласна помочь или нет? Не думаю, что на пустом месте стоит откровенничать настолько. Без обид.

Эль не обиделась, она улыбнулась:

– Могу и я взглянуть на этот отчет?

– Только после начала сотрудничества, – ответил Фаустино. – Видишь ли, я спрашивал про Паука и его способности не просто так. Отчет в моем подсознании и его надо извлечь, иначе никаких фотографий.

– Что на них такого?

– Да ничего особенного. Просто застывшая во льду Бланка. Но застыла она с открытым ртом, с распахнутыми глазами… ничего, что я так прямо? Ты, кажется, не из тех, кого способны напугать подобные вещи.

– Не из тех, – подтвердила Эль, думая об услышанном.

– Бланка умерла во льду после извлечения, я уверен, – подытожил Фаустино. – Так как мы поступим с отчетом? Еще я бы наведался на ледник, пока не наступила зима. Совсем скоро путь будет отрезан, и хорошо, если до июля. В прошлом году было много снега, только к концу августа все рассосалось.

– Мне надо подумать.

– Подумать?

– Я не занимаюсь расследованиями убийств, Фаустино. Прости. Я просто не знаю, как это делается, понимаешь? Я не следователь Комиссии, я даже про Шерлока Холмса только слышала. Если бы тебе требовались чьи-то воспоминания или ты бы накосячил при ком-то и мечтал это подчистить, тут я бы помогла. Но убийство… ты просишь невозможное.

Но Фаустино выводами Эль не впечатлился:

– Ты именно та, кто мне нужен, я уверен.

– Но почему?

– Потому что… ладно, я понял: ты просто не хочешь. У тебя конфликт с Шарлем и по какой-то причине ты перенесла его на меня, я тебе неприятен. Но поговори еще с Пауком, вдруг он заинтересуется.

– Так вот в чем дело, – до Эль наконец дошло. – Думаешь, с материалистом за плечами легче будет найти убийцу? При условии, что извлечение вообще было, конечно.

– Не знаю. Но материалист как минимум сможет извлечь документы.

– Зачем их извлекать?

– Чтобы при каждом случае, когда они мне понадобятся, не пускать чужаков себе в голову, например.

– Разумно… что ж, насчет документов обещаю подумать. На остальное лучше не рассчитывай, Фаустино. Мне жаль, – и Эль не кривила душой, она правда жалела. Этот парень за пару коротких разговоров сумел проникнуть под кожу, вызвать сопереживание. И это у Эль! Которой сопереживать другим некогда. Ей и себя-то пожалеть некогда.

Но документы достать легко, это можно сделать. Сначала посоветоваться с Гаем, заручиться его поддержкой, а уже потом лезть в голову к Фаустино де Веласко. Может, Эль и прониклась к нему, но голову-то не потеряла. Этот парень уж точно не слабее Шарля де Крюссоля, а значит, его подсознание полно сюрпризов, и с Эль там может случиться буквально что угодно. Нет, если идти, то только с Гаем.

– Напиши мне, когда решишь, – сказал Фаустино, и в этот момент телефон Эль пиликнул входящим сообщением. Конечно, он уже раздобыл ее номер… как же хорошо, что с Гаем она не переписывается. Все эти гаджеты ужасно ненадежны.

– Напишу, – пообещала Эль и встала, чтобы уйти. Но перед уходом решила уточнить одну деталь: – А как зовут соседку Бланки?

Если Фаустино и удивился вопросу, то виду не подал:

– Милена Драгович, она мыслитель.

Из Эль против воли вырвался нервный смешок: дело в том, что Милена Драгович была следующей целью девушки. Эль уже приняла заказ, нехорошо отказываться… да и зачем? Это

лишь совпадение, так к нему и стоит относиться. Все равно никакого расследования смерти Бланки де ла Серда не будет. Но кое-что можно проверить, просто любопытства ради. И сразу забыть, как страшный сон.

Ладно, сначала извлечь документы, а потом забыть.

ЧАСТЬ 2. СНЫ ПЫЛКОЙ МИЛЕНЫ ДРАГОВИЧ

ГЛАВА 11

Заказ на Милену Драгович был рядовым – изъять воспоминания, ведь именно воспоминания самая распространенная проблема. Они все портят. Фотографии можно уничтожить, да и многие уже приучились не снимать на камеру все, что в голову взбредет, а вот память… эту штуку не победить. В мире виаторов воспоминания можно прочитать, они легко служат доказательством в суде или при допросе. Память виатора – вовсе не голословный рассказ, это весомый аргумент. Если виатор готов пустить себе в голову другого, разумеется.

О Милене Драгович Эль слышала немало, все-таки жила она среди девушек, а в коридоре хочешь-не хочешь, но поймаешь ворох слухов. Вот за пару лет Эль и наловила всякого. Если коротко: Милена Драгович любит парней. Разных. Много. Иногда много за раз. И да, даже в современном мире на такое поглядывали косо, хотя Эль и не понимала, почему. Почему всем не плевать? Это же такая ерунда, на которую лень тратить время.

Так Эль и относилась к новому заказу – как к ерунде. Ведь Милена Драгович, ко всему прочему, не славилась умениями, она была рядовым мыслителем. Даже помощь Гая не пригодится для проникновения. В подсознании Милены можно творить все при наличии паразита. И с его внедрением тоже все прошло гладко. Эль в каком-то смысле повезло: редкий виатор проявляет бдительность в этом направлении. Метод Эль не уникален, уравнение «паразит плюс мыслитель» избито и использовалось столетиями, но… но есть весомое, почти непреодолимое «но»: для этого уравнения нужны двое. Один мыслитель, один материалист. А так работают только в Комиссии на специальных миссиях, важных заданиях. Материалистов мало, они ценность. Даже зеленые студенты, и те всегда при деле. Поэтому рядовой студент точно не станет опасаться внедрения паразита, это ведь как ждать нападения динозавра за завтраком.

Перед тем, как нырнуть в Сомнус Милены Драгович, Эль нашла Фаустино и передала ему сложенный вчетверо листок:

– Здесь указано, куда должны поступить деньги, – пояснила она. – Это цена за извлечение документов. Остальное обсудим после, но… готовься к отказу. Вряд ли фотографии мертвой Бланки смогут меня переубедить.

Фаустино развернул листок, его брови поползли на лоб от удивления:

– Сколько?!

– Ты сам хвастался трастовым фондом.

– Паук твой – жадный ублюдок.

– Обязательно ему передам, – улыбнулась Эль. – Как только узнаю, о ком ты вечно твердишь.

– Не обязательно играть в эти игры. Деньги будут.

– Отлично. После встретимся и обсудим детали.

Ночью Эль плотнее закуталась в одеяло (осенне-зимнее время в Глетчерхорне отличалось безжалостностью к студентам, старые замки плохо хранили тепло) и провалилась в Сомнус.

Есть много теорий о том, что в Сомнусе все взаимосвязано. Что есть способы проникнуть в подсознание любого человека, просто уснув, что мир подсознания един для всех. Но Эль не понимала сути этой теории. Она знала, что есть люди, открытые к другим из-за банального незнания, есть люди, которые не против вторжения конкретного человека (так Эль без труда находила Гая, у них была связь), а также есть паразиты, открывающие окно для проникновения. Все подчиняется правилам, написанным так давно, что автор этих правил затерялся во времени. Память о нем стерлась, но его наследие осталось.

Эль мало знала о том, как действуют другие виаторы. В Комиссии используют паразитов на постоянной основе или взламывают подсознание, имея преимущество в силе и знаниях? Эль слышала лишь, что в мире снов все всегда индивидуально. Кто-то совершает переходы через двери, у кого-то огнем горят порталы, как в какой-то видеоигре. Способы перехода могут меняться в течение жизни, но это скорее исключение, чем правило. Говорят, у взрослых виаторов с окрепшим сознанием все застывает в какой-то момент, сила привычки берет верх над воображением.

Пока все эти «может быть» и «говорят» очень даже вписывались в происходящее с Эль. Раньше ее переходы подсвечивались красными огнями, этакие черные дыры с отблесками алого света. Маленькие Гай и Эль долго жили в Амстердаме, что не могло не отразиться на том, что внутри. Теперь же Эль выросла и переходы стали сложными даже для самой хозяйки сна. Они обросли жизненным опытом, превратились в длинные горные тоннели, полные мрака и сырости.

Эль из тех девушек, в чье подсознание лучше не заглядывать, позитивного там мало. Потому, как только Эль вышла из тоннеля, ей показалось, что с паразитом и переходом что-то не то. Окно не сработало или Эль заплутала в темноте, пока прыгала от обваливающихся камней… уж очень мрачно было внутри Милены Драгович. Грязное небо практически легло на плечи, видимости почти нет из-за густого тумана, а под ногами что-то вязкое, похожее на грязь, смешанную с тестом и кровью.

Даже у Эль ситуация более позитивная.

Девушка обняла себя за плечи и побрела по грязной жиже. Под ногами громко чавкало, с каждым шагом грязь подлетала все выше. И можно сколь угодно долго убеждать себя, что грязь эта ненастоящая, но проблема в том, что чувствовалась она реальной, противной до безобразия, а промокшие ноги и песок, проникший в ботинки, ситуацию не спасали. Все, что происходит в подсознании, остается там же. Но проблема в том, что переживать это приходится так же, как реальность.

Эль часто говорила Гаю, что привыкла к смертям. Она и себе так говорила.

Но это ложь.

И сейчас Эль надеялась, что выберется через переход, а потом традиционно проснется, не придется экстренно извлекать себя, спасаясь от бунтующего подсознания Милены.

Завыл ветер, туман впереди заклубился, являя острые пики крыш. Конечно, это город. Сомнус – почти всегда город, он даже зовется «городом кошмаров». В случае Милены Драгович это что-то средневековое, грязное, с тряпками на окнах и стонами в подворотнях. Эль шла вперед, стараясь не смотреть и не слушать, но громкость стонов все нарастала.

Значит, Эль движется в верном направлении.

Темная ночь вдруг отступила, забрезжил рассвет, обнажив, подчеркнув царящее вокруг уныние, выставив парочки из подворотен на всеобщее обозрение. Или на обозрение одной Эль, она тут главный зритель. Подсознание Милены старается для нее, являя кошмары. Кошмары – они как паразиты, такие же местные жители, если верить различным теориям. А еще кошмары могут быть людьми, взять виатора в плен, погрузить его в сладкую вечную кому. В Комиссии есть целое направление мыслителей, которые разыскивают таких виаторов и вырывают из лап кошмаров, иногда удачно, а иногда не очень. Когда-то мать Эль работала в Комиссии по этому направлению. А потом страшные идеи завладели женщиной.

– Гуляешь? – рядом с Эль появилась Милена Драгович.

Так случалось порой, в столкновении с хозяином сна ничего необычного. Это даже к лучшему, ведь Милена не чувствует подвоха. Паразит сделал из Эль желанную гостью, которой не грех и помочь.

– Ищу воспоминание, – ответила Эль.

– У меня их много. Какое тебя интересует?

– То, что связано с Антоном Красичем.

– Антошка! – звонко рассмеялась Милена. – Редкая сволочь и редкий извращенец. Ты знала, что он извращенец? Из-вра-ще-нец. Забавное слово, рядом с Антошкой мне нравится его повторять, он так потешно бесится. И почему все извращенцы так любят скрывать свою суть? Почему им важно изображать хороших мальчиков? —девушка покачала головой и поманила Эль за собой.

Они вышли к средневековому особняку в готическом стиле. Длинные узкие окна, лепнина и горгульи у входа. Несмотря на рассвет, ворвавшийся в Сомнус вместе с Миленой, над домом висела сама тьма.

– Брюс и Питер, – указала Милена на горгулий. – В детстве я воображала, что эти двое – мои личные супергерои, и они меня обязательно спасут, когда понадобится. Ну, знаешь… Брюс всегда мог отвалиться, упасть вниз и размозжить чью-то голову. Очень супергеройский поступок.

Эль сглотнула тяжелый ком в горле, по опыту зная, что в особняке ничего хорошего не будет. То, что случилось в Сомнусе, остается в Сомнусе… *остается в Сомнусе*. Останется здесь.

А Милена все любовалась горгульями:

– Эти ребята пропадали много лет. Как думаешь, почему они появились вновь? Мне снова нужны супергерои? Но я большая девочка, научилась жить без них. Возможно, я сама в это не верю, поэтому они со мной…

Или горгульи здесь из-за Эль.

– Как давно они появились? – спросила девушка, оглядываясь по сторонам: пока никаких знаков, что подсознание Милены взбунтуется. С Шарлем все было очевидно сразу, а тут… туман степенно двигался по городу, грязь под ногами, холодная и неприятная, не густела и не поднималась выше, не превращалась в трясину. Все спокойно.

– Примерно год назад. Тогда тоже была осень…

Год назад погибла Бланка де ла Серда.

Кажется, в подсознании Милены Драгович Эль ждут открытия.

ГЛАВА 12

Внутри особняка было темно и гулко, под ногами скрипели половицы. И сквозило, как при открытых окнах ледяной зимой. У Эль окоченели пальцы на ногах и наверняка покраснел нос. А вот стоящая рядом Милена, казалось, не замечала сквозняка. Обычное дело, каждый человек воспринимает происходящее в мире Сомнус по-разному. Просто в этот раз Эль происходящим впечатлилась, ее зацепило. То ли парочки в подворотнях, то ли надломленный образ Милены Драгович, то ли… предчувствие беды. Не просто так горгульи объявились год назад, очень уж очевидное совпадение.

– Идем, Антошка ждет, – Милена поманила гостью подсознания за собой.

Точно, Антон Красич! Про него Эль успела забыть.

Они спустились вниз, в подвал. Весело улыбаясь, Милена рассказала, что здесь десятки уровней, погружаться можно в какую угодно глубину. Все зависит от человека: важно, к чему он готов, а чего боится. Опыт путешествий по чужим мирам рассказал Эль больше, чем сама Милена, ведь из общих фраз девушки не догадаться о скрытом в глубинах подсознания.

Внутри Милены Драгович была тьма.

А особняк и подвал – настоящие, они из жизни. Вовсе необязательно, что в настоящем подвале так же сидели на цепях люди, раздавались звуки хлыста, от которых в жилах стыла кровь… но что-то в настоящем подвале происходило. И натянутая улыбка Милены подозрения только подтверждала.

Когда-то давно Эль была маленькой девочкой.

И она мечтала, что вырастет, поборет своих демонов, а потом возьмется сражаться с чужими. Вот с такими, например. В своих фантазиях Эль не забывала о чужих проблемах, она отправлялась их решать. Сейчас маленькая Эль наверняка бы захотела отправиться на поиски этого особняка и подвала, узнать о сути таящейся там тьмы. Но большая Эль… она видела похожие образы так часто, что смирилась. Да и свои демоны пока на месте, живы, здоровы, растут подобно опухолям.

– А вот и наш мальчик, – Милена подвела Эль к закрытой на засов комнате, одной из тысяч. Воспоминание об Антоне Красиче, на двери красной краской было выведено его имя. Крупные капли краски стекали на пол, собираясь в алые лужицы.

Эль двумя руками взялась за ржавый засов и потянула.

Дверь лязгнула, внутри раздался крик.

Антон Красич сидел в подвале в луже собственной мочи и скалился. Материальное воспоминание, надо же! Выглядит настоящим человеком, но это фантом, извлечь его не получится. Да и не очень-то хотелось… воняло в камере ужасно, ни одна реальность не изобразит *такого* запаха. Ко всему прочему, Антон сидел голым, раскинув по сторонам худые бледные ноги и издавая какие-то звериные, странные звуки.

– На выход! – скомандовала Эль, отворачиваясь.

Антон встал на колени и пополз в коридор. На девушек он не оборачивался, полз себе и полз, пока не исчез в темноте. Теперь воспоминание о нем затеряется, для настоящей Милены Антон останется знакомым, но произошедшее между ними исчезнет в глубинах подсознания. Если, конечно, не найдется энтузиаст, который проникнет в подсознание Милены и вернет Антона на место, но это из области фантастики.

– Такой он извращенец, – с грустью покачала головой Милена. – Терпеть таких не могу, но они все время липнут… это потому, что я люблю секс, как думаешь? Но это же совсем разные вещи, почему никто не понимает?

– У нас есть еще дело, – перебила девушку Эль.

– Важное? А то я бы еще поболтала.

– Важное.

Милена вздохнула:

– Жаль. Ты хороший собеседник, так и хочется рассказать тебе все.

Да, потому что паразит сознания иногда так действует. Но в случае Милены Эль не хотела слушать. И все это лишь очередной подобный эффект, которых и без того не счесть… поэтому иногда Эль так хочется сбежать на край света, поселиться там и жить, не зная чужих кошмаров. Но ради Гая она остается.

Пожалуй, когда-нибудь они действительно сбегут. Но только после истребления своих кошмаров. А может, и нет. Эль часто фантазировала о будущем и как-то так выходило, что ее дар был частью будущего в любой фантазии. Она такая, какая есть. И пусть Гай видел ее страдалицей, преодолевающей трудности, на деле все было сложнее.

– Меня интересует Бланка, – сказала Эль, запирая дверь с именем Антона. – Покажешь, где ты хранишь воспоминания о ней?

– Конечно. Но Бланка намного, намного глубже…

Они спустились вниз еще на много пролетов. Милена не обманывала – каждый уровень угнетал все больше, Эль уже едва переставляла ноги, потому что старалась закрывать глаза. Было много крови, стонов, грязного секса, избиений и вони. Мучительно хотелось сбежать отсюда и как следует помыться. И, конечно, Эль взяла свои слова обратно: Сомнус Милены Драгович был намного, *намного* хуже ее собственного. Да если сравнивать с таким, у Эль практически розовые единороги скакали по радугам!

Дверь с ржавым засовом на вид ничем не отличалась от той, за которой прятался Антон Красич. Но в этот раз отличалось поведение Милены: она заметно нервничала, кусала губы и оборачивалась, словно ожидая нападения из темноты. Она не хотела, чтобы Эль увидела, что за дверью.

Глядя на Милену, Эль отодвинула засов.

Петли жалко скрипнули, дверь отворилась, а за ней… пустота. Как будто кто-то вырезал целую комнату из подвала, некий владелец кукольного дома решил, что этой комнате здесь не место, и выдернул ее с корнем. Эль даже видела оборванные куски здания, видела плотный грунт, в котором был выстроен подвал. И только в углу комнаты валялась одинокая картонная коробка. Эль открыла ее и увидела воспоминания: несколько фотографий с Бланкой, ее смех, ее одежда, ее привычки… но это все ерунда. Мелочь, призванная спрятать очевидный факт: кто-то похозяйничал в подсознании Милены Драгович, грубо выдернув из него нечто важное.

Поэтому над особняком появились горгульи.

Милена знала что-то важное, и некий человек уничтожил ее знания. Он сделал это грубо, торопился или ему просто было плевать. Или виатор был слабее Милены, девушка сопротивлялась, совсем как Шарль де Крюссоль при вторжении Эль… вариантов может быть несколько. Но несомненно одно: год назад здесь кто-то был.

– Проводи меня наверх, – тихо попросила Эль, закрывая дверь.

Стоит все обдумать.

Милена проводила гостью до перехода, всю дорогу болтая о жизни. Эль не слушала эти откровения, она думала об увиденном. Вид выдернутой из подсознания комнаты перекрыл собой остальное, целиком и полностью захватив девушку. Зачем, почему, кто? Мыслитель или материалист? Кажется, Фауст подозревает извлечение, но, судя по увиденному внутри Милены, работал мыслитель.

Ладно, Эль извлечет документы Комиссии и изучит их.

Просто чтобы удовлетворить любопытство, закрыть этот вопрос.

– Заходи еще, – на прощание улыбнулась Милена Драгович.

– Лучше я сгорю в аду, – пробормотала Эль, ныряя в каменный тоннель.

Гай ждал ее, сидя меж своих пряничных домиков и попивая какао. Пахло корицей и яблоком, для Эль этот запах давно стал родным и ассоциировался с Гаем, ее пряничным героем. При виде Гая улыбка возвращалась на лицо сама собой, а впечатления от чужих миров перечеркивались сладким запахом и чувством спокойствия, дома. Порой Эль думала, отчего подсознание Гая выглядит именно так, не из-за нее ли? Не ради таких вот моментов быстрого успокоения, инъекции моментального счастья? Гай говорил, что нет, такое невозможно. Но в мире Сомнус, несмотря на множество законов, было мало невозможного.

– Как прошло? – спросил Гай, когда Эль присела напротив.

– Воспоминание стерто.

– Рад, что в этот раз все было легко.

– Ты же знаешь: легко не бывает, – и сама Эль бы выбрала плавящийся под ногами асфальт, бунтующее подсознание и извлечение через болезненную смерть, но не мрачные подвалы с существами, дрочащими на чьи-то кровавые кишки.

Гай болезненно вздохнул:

– Знаю. Если хочешь, я пошлю Минку Рейли, а ты отдохнешь…

– А что там с Минкой?

– Воспоминание.

– Удивил, – Эль не удержалась и закатила глаза. – Чье?

– Алана Блавона. Пока отходишь от подсознания Милены Драгович, я наведу о нем справки, чтобы знать, к чему готовиться. Но имя я уже слышал: Алан – первокурсник, ему лет восемнадцать. Любит покатать зимой на доске, судя по социальным сетям.

– А кто в Глетчерхорне этого не любит?

– Это верно, – Гай вдруг улыбнулся и взял Эль за руку, чутко уловив, что прямо сейчас ей нужна поддержка, его участие. Запах корицы, одно невинное касание, и Эль действительно стало легче. Она сжала пальцы парня и тоже улыбнулась.

А Гай решил сменить тему:

– Говорят, в женском крыле замка организовалась заварушка, если не сказать война. В Фише раскуплена вся зубная паста. Парни готовятся к осаде, ведь ваши баталии могут перекинуться и на нас.

– Очень смешно! – фыркнула Эль.

– Тебе смешно, а де Крюссоль сегодня предлагал ударить первыми.

– Избавиться от его подсознания было счастьем.

– Это точно. Извлекать Фаустино де Веласко не стоило, Эль, – Гай все еще улыбался и говорил мягким тоном, но уже не шутил. Разговор быстро перетек в иную плоскость, поучительную: – Извлечение – всегда риск себя обнаружить. Ты уже местная знаменитость, все давно вышло из-под контроля, но так нагло извлекать человека… он может санкционировать расследование Комиссии. С Комиссией мы не справимся, Эль. Нам часто везет, но рано или поздно это закончится. Воровать воспоминания у всех без разбора не получится, ты не всесильна. И ты потеряла контроль настолько, что иногда… иногда мне кажется, *они* нас уже нашли, несмотря на все предосторожности. И сейчас *они* ждут подходящего момента.

Повисла тяжелая пауза, как и всегда, когда речь заходила о *них*.

– Расследования не будет, – ответила Эль, выдергивая руку. – Фаустино заинтересован в моих талантах, а потому будет молчать. И с Аланом Блавоном в любом случае придется подождать, я согласилась на небольшое, но прибыльное дело, связанное с извлечением. Нужно достать документы.

– И это как-то связано с де Веласко?

– Связано.

– Два извлечения рядом с этим парнем, Эль? Риск.

– Он фантазирует о Пауке, а меня видит то ли посредником, то ли девушкой на побегушках, – отмахнулась Эль. – Но ты прав, это риск, потому что Фаустино кажется мне продуманным малым. К нему пойдем вместе, ты меня подстрахуешь. Тогда никакого риска не будет. И… пожалуйста, не надо сейчас нравоучений, я уже согласилась.

– Как скажешь, Эль, – Гай согласился, но по его взгляду все читалось: он против, ему не нравится. Все, связанное с материалистами, ему претило. Он считал, что быть мыслителем безопаснее, пусть и допускал использование паразитов. Но не полноценные извлечения.

– Думаю, хватит несколько дней, чтобы избавиться от Милены Драгович, – уже веселее продолжила девушка, откидываясь на кресле – Чем меньше я сопротивляюсь, тем быстрее становлюсь собой, поэтому… избегай меня в следующие дни.

– Говорят, Милена – нимфоманка.

– Значит, это будет продуктивнее ночей с зубной пастой.

ГЛАВА 13

Эль накрыло на следующий день.

Она не сопротивлялась, по опыту зная, что ситуацию проще отпустить, тем более, никаких криминальных наклонностей не вылезло. Одно дело – противиться убийству щенков (тут Эль бы приковала себя к кровати или глотала бы гипнотин неделями, лишь бы на месте лежать), но секс – это всего лишь секс. Бывает удачный, бывает не очень, но оба варианта забываются быстро, уплывая в потоке других жизненных событий.

Хорошо бы в этот раз все прошло удачно.

Вечером Эль облачилась в широкие джинсы и открытый топ, нанесла яркий макияж, зачесала волосы назад. Посмотрела в зеркало: неплохо, вид лихой и дерзкий. Обычно платиновый блонд сильно бледнил Эль, но макияж многое менял. Вспомнив о холодных ночах, девушка выбрала куртку потеплее и вышла в ночь.

Девушка собиралась спуститься в Фиш и даже добралась до станции подъемника, но поднялся дикий, совершенно невообразимый ветер, и подъемник на время отключили, пообещав, что через час он возобновит работу. Других путей отхода не существовало, разве что вертолетная площадка с северной стороны замка… но у Эль не было вертолета, вот в чем проблема.

Поэтому она поплелась обратно.

Настрой провести вечер с пользой не пропал, даже наоборот – не придется тратить время на дорогу, а езда в подъемнике в окружении других виаторов – это всегда неловко. И обратно пришлось бы добираться… в общем, есть плюс в отключении подъемника. Но и минус есть тоже, ведь наверху обитали только виаторы, шанс встретить симпатичного незнакомца и после бурной ночи расстаться с ним навсегда стремился к нулю. А у Эль в прошлом уже был неприятный опыт, который наглядно показал: выбирать лучше именно незнакомцев.

Обнимая себя за плечи, девушка вернулась к замку, прошла через парк и оказалась возле россыпи горных домишек. В основном это кафе и бары для местных, но чуть дальше – частные владения. Преподаватели в Глетчерхорне часто менялись, порой прилетали на несколько лекций, словно рок-звезды, и исчезали, или их огромные лица читали текст через экран проектора. Но некоторые обитали возле замка на постоянной основе. Кто-то жил в отдельном преподавательском крыле, а кто-то – в отдельном доме. Удобно, если семья большая, и вертолетная площадка под боком.

Эль выбрала бар «Ледяной», потому что обожала швейцарский колорит. Все это обилие старого дерева, тяжелая мебель, запахи… девушка скинула куртку, прошла к барной стойке и запрыгнула на высокий стул. Местные бары обслуживались обычными людьми, они работали за деньги. Насколько Эль знала, в Комиссии существовало целое рекрутинговое направление. Если коротко, то нанимали за большие деньги тех, кто потом не станет болтать, ибо есть контракт, который дает виаторам право вторгаться в память человека. Этакая видимость строгости и правил, хотя на деле любой виатор может осуществить вторжение и без контракта, это сложно отследить. Но здесь все-таки дела Комиссии замешаны, оттого много правил и официоза.

– Что вам налить? – спросил симпатичный бармен.

– Водку с тоником.

– Ух! Брутально!

Эль улыбнулась, принимая напиток из рук бармена, но дальше улыбки дело не зашло: парень поспешил выполнять другой заказ. Что ж, он еще вернется, а пока можно полюбоваться другими гостями бара… взгляд Эль скользил по темному помещению, ни на ком толком не останавливаясь. Фоном играла музыка, что-то из классического рока семидесятых, баллада о любви, способной перевернуть мир. Ох уж эти романтичные рокеры, умеющие подбирать

нужные для девочек слова. В целом в «Ледяном» было людно, в вечер выходного дня иначе и быть не может. В баре два этажа, позже можно будет прогуляться…

Стул рядом с Эль отодвинулся, но обрадоваться девушка не успела, потому что этот сосед слабо кивнул и знакомым голосом сказал:

– Я все сделал по инструкции. Что будет дальше?

Раздраженная Эль выпила водку с тоником залпом и с грохотом опустила стакан на барную стойку. Фаустино де Веласко жестом подозвал бармена и попросил повторить в двойном размере, заказав напиток и для себя.

– Дальше я сама тебя найду, – ответила Эль. – Необязательно преследовать меня и приставать с расспросами. Извлечение запланировано, оно не произойдет раньше по одному твоему желанию, это так не работает, – а еще Эль не бралась за несколько дел сразу, ведь это тянуло за собой конфликт извлеченных подсознаний. Биполярное расстройство в квадрате, одним словом, а Эль и без квадрата вполне себе хватало впечатлений.

– Я думал, ты найдешь меня сегодня.

– Сегодня я занята.

– В баре?

Эль мысленно закатила глаза: настырный какой! Стыд за извлечение отошел на второй план, да и случилось это давно, поэтому Эль резко развернулась, собираясь объяснить Фаустино де Веласко, что трогать людей, которые пытаются расслабиться в баре, не стоит.

Но все слова исчезли, как только Эль увидела лицо парня.

Так близко и в то же время недостаточно близко. Эль тяжело сглотнула, глядя на Фаустино каким-то новым взглядом, и перед ней открылся целый мир, полный ярких красок, случился взрыв и зарождение сверхновой. Этот парень всегда был таким красавчиком? Как могла она раньше не замечать *такие* губы? И эти глаза цвета растопленного шоколада, и длинные ресницы, и упрямый подбородок… но главное, конечно, губы. Такие полные, с красивым, совершенным даже, абрисом. Такие губы просто обязаны заниматься всякими грязными штучками, а не прикладываться к бездушному стакану с тоником.

Эль бросило в жар, когда Фаустино поймал ее взгляд. Эль не могла думать, она уже ничего не могла, только заерзала на стуле и плотнее сжала ноги. И привычка Фаустино смотреть в упор не делала ситуацию проще, а наоборот, все усугубляла. Эль и сама не заметила, как нырнула в омут этих сумасшедше-шоколадных, таких притягательных глаз. И музыка, играющая на заднем плане, не помогала, ведь солист хриплым голосом пел про жаркие ночи в объятьях любимой.

– У тебя все в порядке? – спросил Фаустино.

Вместо ответа Эль опрокинула в себя вторую порцию коктейля, ледяной напиток промчался по горлу и немного привел в чувство. А может, и не привел. Может, рядом с Фаустино де Веласко это вообще невозможно. Эль закусила губу, чтобы не всхлипнуть от отчаяния и распирающих изнутри чувств, а Фаустино… а Фаустино все продолжал на нее смотреть. И что-то говорить, спрашивать. Эль смотрела на его совершенные губы, не моргая, коктейль из самых разных эмоций кружил голову посильнее выпитой водки.

И теперь Эль парила в предвкушении.

Она не отпустит Фаустино де Веласко, пока он не покажет ей, что умеет делать этими своими порочными и ужасно красивыми губами. И, как только Эль перестала сопротивляться, приняла это горячее, будоражащее кровь желание, стало легче дышать. Не без труда Эль оторвалась от созерцания губ Фаустино и заказала еще коктейль. Слишком жарко, слишком хочется пить, слишком хочется попробовать на вкус смуглую кожу парня с шоколадными глазами. Интересно, они потемнеют, когда Эль затащит Фаустино к себе, когда и он наконец потеряет голову? Девушка не сомневалась, что его глаза станут черными, как угли. Ужасно порочные, но такие горячие угли.

Эль выпила очередной коктейль, достала кубик льда и провела им по лицу.

– Жарко, – пояснила она, глядя на Фаустино. Кубик льда тем временем скользнул по шее и огладил зону декольте, оставляя за собой влажную дорожку. Теперь настала очередь Фаустино тяжело сглатывать и стоит признать, справлялся он лучше. Более того, он до сих пор смотрел Эль в глаза.

– Что с тобой происходит? – спросил он, хмурясь.

Эль спрыгнула со стула и кинула остатки льда в стакан:

– Проводи меня. Может быть, расскажу по дороге…

ГЛАВА 14

Они вышли на темную улицу. Порыв ветра едва не сбил Эль с ног, но Фаустино так вовремя удержал ее за локоть. Одно его прикосновение, пусть и через кожу куртки, обожгло посильнее палящего солнца. Эль уже давно завелась до предела, так, что трудно было дышать, и во всем виноват Фаустино. Его угольный взгляд, такой пронзительный, его отстраненность и попытка сделать вид, что ничего не понял. Он бормотал что-то про коктейли, слишком крепкие, чтобы их пить. Он убрал руку от Эль. А еще… да, он заметно волновался, потому что на самом деле все он понял.

Очередной порыв ветра заставил девушку поежиться. Влажные следы от ледяных кубиков, оставленные на голой коже, будто и сами покрылись льдом. Эль и Фаустино шли к замку, за их спинами продолжала играть музыка. Сердце Эль билось все чаще, она тоже волновалась. Оказывается, это до невозможности потрясающее чувство – предвкушение, смешанное с тем самым волнением, от которого то жарко, то холодно. Эль настоящая такого не испытывала… да никогда. И сейчас она не знала, как действовать, что будет дальше… Эль вели инстинкты, которые ей даже не принадлежали, но она целиком и полностью им доверилась. Слишком хорошо это ощущалось, чтобы отступить, к тому же, предаваться соблазнам порой так приятно.

У башни Риты Кастильо они остановились. Кажется, Фаустино собрался сбежать, но Эль остановила его за руку и молча повела за собой. Показала, как забраться в общую комнату, Фаустино ловко туда запрыгнул, а потом затащил Эль. Он хотел уйти, даже шагнул к окну, но Эль поймала его за руку и покачала головой. Фаустино тяжело сглотнул, но остался, поняв все без слов.

Они поднялись на третий этаж, Эль пустила парня к себе и плотно закрыла дверь. В комнате было темно, только дальние огни дороги до замка освещали происходящее. Казалось бы, Эль и Фаустино так долго шли под пронизывающим горным ветром, все должно было уйти, схлынуть без следа, но нет. Голова девушки кружилась от предвкушения настолько, что ожидание стало болезненным, а Фаустино… он так и застыл посреди комнаты, опять молча. Он ждал. Он все понял и не ушел, а значит, что-то его крепко зацепило. Или… он был просто парнем.

Эль подошла ближе и положила руки на его грудь.

– Зачем ты привела меня сюда, Эльфина? – прошептал он, неотрывно глядя на ее губы. Но брать ситуацию в свои руки он не спешил, выжидал. И это тоже ужасно заводило Эль. Ей нравились орешки покрепче.

Она приложила палец к его прекрасным губам и застыла, завороженно наблюдая за этой картиной. Теперь ей хотелось действия, чтобы Фаустино наконец отпустил себя, прикусил ее палец, толкнул к стене, вжимаясь всем телом в Эль, но пока он был скалой. Поэтому Эль быстро убрала руку и сама потянулась к парню с таким невыносимо-долгожданным поцелуем. Фаустино сразу ответил, он сдался еще внизу, когда не выпрыгнул в окно, как собирался, а может, он сдался еще на выходе из бара, но первый шаг все равно доверил Эль. И теперь пути назад не было.

Эль была права – этот парень творил губами магию. От его поцелуев плавилось тело и поджимались пальцы на ногах. От таких поцелуев одежда должна испаряться с тела, но, к сожалению, ее пришлось стягивать своими силами, и в этот момент Эль пожалела, что не надела юбку. С юбкой всегда проще.

Толстовка Фаустино полетела на пол вместе с футболкой, и Эль наконец-то попробовала на вкус его горячую кожу. От Фаустино пахло морозом и травами, и Эль словно воочию увидела альпийские луга с заснеженными вершинами где-то вдалеке. Когда с одеждой было покончено, Фаустино взглянул на девушку вопросительно, и она кивнула на тумбочку возле кровати. Фау-

стино все понял без слов, и это завораживало, делало ситуацию какой-то нереальной и волшебной. Они говорили, но на другом языке, все шло плавно и легко, без лишних жестов и неловкостей. Эль и не знала, что так бывает. Разве неловкость – не часть процесса? Похоже, не с Фаустино. И пусть где-то на краю сознания Эль точно знала, что неловкость обязательно нагрянет, просто немного позже, но сейчас какая разница? Сейчас все сказочно прекрасно.

Уже на кровати Эль вновь сдалась этим порочным и прекрасным губам. Ей было так хорошо, что хотелось смеяться и плакать одновременно. И ритм Фаустино, сначала до безобразия медленный, а потом сумасшедше-быстрый, заставлял терять голову снова и снова. Позже, лежа на груди парня, Эль точно знала: она его не отпустит. Не сегодня. Осталось слишком много неизведанного, слишком много незацелованного, чтобы ограничиться одним разом. Будь воля Эль, она бы вообще заперла этого парня у себя на неделю, не меньше. Как жаль, что это незаконно.

– Я в душ, – хрипло сказал Фаустино. – Ты…

– Конечно, я тоже в душ, – усмехнулась Эль, ловя взгляд глаз-углей. Все-таки она была права, глаза парня неприлично темнели в некоторые моменты, выдавая его с головой.

– А твоя соседка не вернется?

– Она почти всегда отсутствует. Дочь президента.

– Неплохо тебя расселили, – Фаустино кивнул на балкон, который действительно был шикарным, королевским, с такого удобно махать верноподданным и отстраненно улыбаться. Вот только зимой там приходилось постоянно вычищать снег, ведь весной он таял и норовил пробраться в комнату через все щели, которых в старом замке предостаточно. Один такой потоп научил Эль махать лопатой заранее.

Эль скромно потупила взгляд:

– Повезло.

Усмешка Фаустино стала совсем уж неприличной: конечно, он ей не поверил. Потому что такая удача даже теоретически невозможна. А в случае Эль удачу звали Гаем, который с кем-то договорился. Изначальным планом Эль была дружба с этой… за три года так и оставшейся в ряду незнакомок, девушкой. Но не всем планам суждено сбыться, что-то всегда идет не так.

В душ они пошли не сразу, Эль с головой накрыло желанием поцеловать эти губы снова. И закрутилось, до влажных простыней и сладкой боли во всем теле, оба настолько вымотались, что в ду́ше действительно только мылись… ну, почти. В Эль вселился демон, который все больше и больше мечтал запереть Фаустино де Веласко в комнате и запретить ему посещать все эти ненужные лекции. А еще носить одежду, эти дурацкие лишние тряпки.

Забрезжил рассвет, ветер за окном стих, Эль ненадолго провалилась в сон.

Проснулась, когда вовсю светило солнце, кажется, день будет богатым на тепло и солнечные лучи. Осенью в горах все нестабильно, в один день может начаться снег, в другой – сносить пронизывающий ветер, а в третий выглянет яркое до слепоты солнце.

Рядом кто-то завозился и Эль моментально вспомнила обо всем, что было ночью. Улыбка сама собой заползла на лицо и не желала больше оттуда уходить. Может, и стоило выбрать кого-нибудь попроще, да хоть того же бармена, но Эль ни о чем не жалела. Пока слишком хорошо и лениво, чтобы жалеть, а дальше… да все пойдет по накатанному сценарию, это изведанный путь, проторенная дорога.

Дело в том, что отношения с парнями у Эль никогда не складывались и вряд ли сложатся в будущем, учитывая ее особенности. Но девушка давно смирилась с ситуацией и перестала ждать чуда.

Глядя на спящего рядом Фаустино, Эль вдруг вспомнила о своих приключениях на первом курсе. Говорят, первый раз у девушек часто бывает неловким, но знают ли эти девушки о неловкости столько, сколько знает Эльфина Рейн? На том самом первом курсе она нырнула в подсознание Ланы Чемберс, а после… а после в Эль проснулась неуемная тяга к убогим маль-

чикам со странностями. Несколько дней Эль следила за Эрихом фон Регенсбергом, чтобы убедиться: никого более убогого в Глетчерхорне не существует, а после свела с ним знакомство.

Эрих был не только откровенно нескладным и несимпатичным, но еще саркастичным, грубым придурком, и подругами обзаводиться не планировал, что только подстегнуло интерес девушки. И уже через пару дней она оказалась в комнате Эриха, они страстно целовались, все двигалось в очевидном направлении. Эль смотрела на щуплую фигуру парня и любовалась. В лунном свете Эрих походил на бледную курицу, а его и без того страшное лицо приобрело потусторонний оттенок. И вроде бы ничего неловкого в этом нет, о вкусах не спорят, но все самое интересное посыпалось позже.

Фон Регенсберг, поняв, что стал первым парнем Эль, заявил, что она могла подыскать кого-нибудь получше, а не вешать эту ношу практически на незнакомца, затея-то идиотская. Затем и вовсе выставил ее прочь она и одеться-то толком не успела. И после этого Эль не могла выкинуть прекрасного, противоречивого и недоступного Эриха из головы и почти месяц следила за его передвижениями. Да, тягой к странным мальчикам все не ограничилось, Эль еще и навык преследователя освоила. Бедный фон Регенсберг не знал, как от нее избавиться, он орал, бесился, угрожал и даже топал ногами. Так привлекательно топал, что ну не могла Эль оставить его в покое!

Когда Сомнус Ланы Чемберс отпустил Эль, она еще долго ловила на себе настороженные взгляды Эриха фон Регенсберга. До конца года он обходил ее стороной, а затем и вовсе перешел на вечернее обучение. Кажется, он до сих пор не закончил Глетчерхорн и время от времени приезжает сдавать экзамены, но наверняка ходит окольными путями, опасаясь Эль. За месяц напряженного преследования можно многое успеть, а Эль всегда была активной девушкой.

Может, сейчас Эль и не сталкер, но кто знает, что будет… Фаустино сбежит так же быстро, как и все остальные мимолетные увлечения Эльфины Рейн. Но он хотя бы останется приятным воспоминанием, а это уже немало.

ГЛАВА 15

Фауст

До встречи с Эльфиной Рейн Фауст не подозревал, что в двадцать два года парень может банально не потянуть девушку. Раньше у него проблем с этим не возникало, а теперь… теперь он лежал, не в силах пошевелиться. Ночь прошла без сна, утром в лучшем случае удалось вздремнуть пару часов, а теперь он обреченно ждал, когда Эльфина вернется с кофе и завтраком, после которых они займутся «чем-то интересным». Фауст не стал уточнять, чем именно, опасался услышать ответ. Сам он мечтал спросить, какого черта Эльфина не захотела поспать еще немного, выходной же… но за ночь он выучил: эта девушка каждое его слово расценивает как провокацию и кидается в атаку. А такое количество атак ни один мужчина не вынесет, это физически невозможно.

А начиналось все неплохо, странно немного, и совсем не в его духе, но он уж точно не пожалел, что покинул бар вместе с Эльфиной. Он мало соображал в тот момент, девушка его словно приворожила, стерла все границы и правила. Не сказать, что Фауст осуждал знакомства в барах, ему просто такое не очень нравилось и до вчерашнего дня он всегда возвращался домой один. Но Эльфину трудно назвать незнакомкой, да и, если не кривить душой, она ему понравилась еще до первой встречи. Правда, он полагал, что сама Эльфина его в лучшем случае презирает, а в худшем хочет ободрать его трастовый фонд, о котором не стоило даже упоминать. А на деле… кто знает, что у нее на уме. Считать это пока не получалось.

Дверь распахнулась, в комнату ураганом ворвалась Эльфина, держа в одной руке стаканчики с кофе, в другой – пакет из французской булочной. Пока Фауст вяло натягивал футболку и штаны, Эльфина успела распахнуть двери, ведущие на балкон, вытащить туда стол и стулья, разложить круассаны и макаруны. И откуда в ней столько энергии? Она ведь тоже не спала.

Эльфина устроилась на стуле с ногами, щурясь на ярком солнце и одновременно наблюдая за приближением Фауста. Сам он щурился еще больше, словно вампир, выползший из темной пещеры, вот-вот готовый сгореть дотла. В принципе, примерно так он себя и ощущал.

– Оказывается, в выходные никому нет дела до круассанов, все спят, – разулыбалась девушка, указывая на богатый улов. – Выбирай, там есть на любой вкус. Не знала, что ты предпочитаешь.

– Спасибо, – сказал Фауст, присаживаясь напротив.

Эльфина кивнула, внимательно наблюдая за его выбором. Фауст не любил сладости, поэтому круассан достал сырный.

– Так и знала, – она опять улыбнулась, но уже хитро. – Хотя моим первым вариантом была классика. Ты похож на человека, которому по душе классика во всех ее проявлениях. И ни шага в сторону! Никаких экспериментов!

Возможно, это был какой-то намек, но Фауст его не распознал.

Не дождавшись ответа, Эльфина придвинула к нему макарун, судя по всему, со вкусом соленой карамели. В этот раз она не улыбалась, а смотрела внимательно, серьезно:

– Это ты тоже должен съесть.

– Это?

– Так надо.

– Там паразит сознания? – догадался он, а от былой лености не осталось и следа. Само слово «паразит» напрягло, заставило собраться и проснуться. Все эти штучки материалистов мало того, что были противными, так еще славились непредсказуемостью. А паразиты, насколько знал Фауст, могли запросто лишить человека личности, разума. Паразит делает то,

что прикажет хозяин, а хозяин здесь… очевидно, это Паук. То есть, подозреваемый Фауста, к которому он собирался подобраться.

Эльфина пожала тощими плечами:

– Тебе ведь нужны документы. Считай это платой.

– Я уже заплатил.

– И в твоих руках находится будущее, – девушка выразительно кивнула на пирожное с начинкой. – Приятного аппетита.

– Обязательно делать это прямо сейчас? Можно… подумать?

– Подумай. Времени у тебя… скажем, до пятницы.

После появления на столе паразита, Фаусту расхотелось есть, но он впихнул в себя проклятый круассан и запил все кофе. И думал он уже не о прошедшей ночи и о том, как все получилось, а о решении, которое придется принять. Он видел, что уговаривать Эльфину бесполезно, она просто пошлет его подальше. И это в лучшем случае, девушка она непредсказуемая. Тогда… придется рискнуть?

Фаусту еще не приходилось иметь дел с паразитами, он о них только слышал. Но Шарль ведь жив и здоров? Другим человеком не стал. Хотя непонятно, был ли там паразит… Фауст точно видел Эльфину в Фише, но что она сделала? Гадать можно долго, исход от этого не изменится.

– Я согласен, – сказал он и проглотил пирожное. Отвратительно сладкое, между прочим. Фауст вообще не понимал, что все находят в этих мелких недопеченьях.

Улыбка вернулась на лицо Эльфины:

– Хорошо, – ответила девушка. – Ты правильно поступил. В порядке информации: я могла все сделать без предупреждения, ты бы ничего не узнал и не почувствовал. Считай этот жест предложением дружбы.

– Очень… мило с твоей стороны.

– Знаю. Так… вернемся к тому, с чего начали?

Начали?!

Фауст быстро встал:

– Спасибо за завтрак, но я должен вернуться к себе, – прозвучало резко, парень мысленно вздохнул: ну не умел он ловко обходить все преграды в общении, он вообще любил прямоту. – Я не… просто надо отдохнуть, подумать обо всем.

– О чем ты собрался думать? – Эльфина явно не собиралась идти ему навстречу.

– О паразите сознания.

– Зачем о нем думать?

– Уговорила, о нем думать не буду, а просто посплю.

– Днем? – она выразительно закатила глаза: – Ладно, я тебя поняла, бедный уставший мальчик. Кстати… у меня есть гипнотин, мы могли бы… немного расширить сексуальный опыт, заодно и телу дать отдохнуть.

– Предлагаешь заняться сексом в подсознании?

– Говорят, это весело. Можно экспериментировать так, как в реальности ни за что не получится из-за физических ограничений. А фантазия позволяет многое, например, использовать щупальца. Это очень сильно разбавляет приевшуюся серость жизни.

Фауст просто надеялся, что она прикалывается.

– Ни разу не пробовал, – серьезно ответил он, – но, пожалуй… если хочешь, вечером можем обговорить такой вариант. Хотя реальность мне не успела наскучить, не назвал бы ее… серой. А для тебя… – он правда не хотел задавать этот вопрос, оно само как-то вырвалось: – А для тебя она была серой? Сегодня ночью?

Эльфина задумчиво уставилась на белые горные вершины:

– Да нет, все было неплохо.

Прозвучало неубедительно, но на всякий случай лучше не уточнять, самооценка целее будет. Фауст уже собрался прощаться и бежать домой, как Эльфина повернулась к нему и с улыбкой спросила:

– Ты сказал, что Генри Кавендиш – твой друг. Вы правда друзья?

– Правда.

– Хорошо. Тогда вечером можешь привести его, он вроде ничего. Раз ты любишь реальность, то и ее можно разнообразить… реальным путем, – и, пока Фауст переваривал очередную порцию странной информации и раздумывал, кроется ли здесь недоступный для него юмор, или Эльфина Рейн только что предложила групповой секс, девушка подхватила со стола тарелку с остатками круассанов и скрылась в комнате.

Фауст так и ушел со множеством вопросов в голове.

У себя быстро разделся, принял душ и завалился спать, решив, что юморные секс-головоломки лучше оставить на потом. Но солнце нагло заглядывало в комнату, мешая уснуть, а странный диалог то и дело прокручивался в голове. Во-первых, секс с гипнотином – это для стариков, которым только и остается, что воображать себя молодыми и полными сил. Ладно, не только для стариков, а еще, пожалуй, для извращенцев с тентаклями. Во-вторых, Фаусту ни разу не приходило в голову, что это может быть чем-то бóльшим, потому что ему правда хватало реальности! И в-третьих… привести Генри?! Эльфина Рейн чокнутая извращенка! Либо особа с очень странным юмором, что ничуть не лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.